

Пшегусова Галина Султановна

**СОЦИАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ:
СУЩНОСТЬ, ТИПОЛОГИЯ, СПОСОБЫ
ОРГАНИЗАЦИИ КОММУНИКАТИВНОГО
ПРОСТРАНСТВА**

09.00.11 - социальная философия

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора философских наук**

**Ростов-на-Дону
2003**

Работа выполнена в Институте
по переподготовке и повышению квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук при Ростовском государственном университете на кафедре социологии, политологии и права

Научный консультант: доктор философских наук, профессор
Волков Юрий Григорьевич

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор
Маршак Аркадий Львович

доктор философских наук, профессор
Киященко Николай Иванович

доктор философских наук, профессор
Радовель Михаил Рувимович

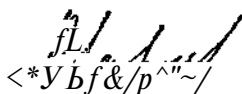
Ведущая организация — Московский государственный университет сервиса

Защита состоится «19» декабря 2003 г. в 13-00 часов на заседании диссертационного совета Д.212.208.01 по философским и социологическим наукам в Ростовском государственном университете (344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160, ИППК при РГУ, ауд.34).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Ростовского государственного университета.

Автореферат разослан « № »нояб^р2003 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

<*у Ъf&/p^"~/

М.Б. Маринов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Социальное бытие человека, понимаемое как его совместное бытие с другими, предполагает в качестве своего атрибута способность и потребность к взаимному общению и выстраиванию на его основе форм коллективной жизни. Одной из наиболее ценных позитивных черт современной эпохи заключается в нарастании осознанного стремления глобального общества к построению мира, основанного на взаимопонимании. Это стремление ориентирует на формирование новых социальных навыков реального взаимопонимания и взаимоуважения в отношениях между культурами, нациями, обществами с различными укладами жизни. Можно говорить о назревшей потребности в построении на основе таких навыков нового глобального социального пространства.

С другой стороны, бурное развитие в современном мире технологических средств коммуникации в единстве с глобализационными процессами способствовало созданию предпосылок для реального формирования такого пространства, связало воедино исторически чуждые друг для друга культуры, создало возможности для интенсивного информационного обмена между ними, расширило перспективы взаимного сотрудничества.

Отсюда вытекает неизбежное повышение роли в обществе социальной коммуникации как таковой и средств массовой коммуникации в частности. Коммуникативные процессы, объединяющие общество на всех уровнях, пронизывающие социальную среду, распределяющие и транслирующие значимую информацию, оказывают существеннейшее влияние на жизнь общества. Растущая информатизация социальной жизни ведет к повышению воздействия интерпретационных схем и парадигм на чувства и настроения больших масс людей, сближает ранее закрытые друг для друга культурные миры, однако при этом открывает новые невиданные доселе возможности для целенаправленного манипулирования массовым сознанием. Таким образом, позитивные и конструктивные следствия бурного развития всех уровней коммуникации неразрывно сопряжены с его негативным и деструктивным потенциалом.

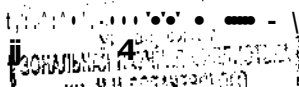
Неоднозначность этого процесса, его стремительный характер и сила воздействия на человека и общество диктуют необходимость глубокого и всестороннего исследования феномена социальной коммуникации на всех его уровнях, начиная от межличностной интеракции и проблем взаимопонимания и заканчивая влиянием средств масс-медиа на общественное сознание. Здесь возможны и актуальны различные ракур-

сы рассмотрения. Необходимо подчеркнуть, что изменения, вызванные особенностями современного периода в развитии социальности, приводят к определенным трансформациям в структуре межличностного общения, к его эмоциональному обеднению, технизации, росту межгенерационного отчуждения, разобщенности, ослаблению межличностных связей, и специфика межличностной коммуникации в современном обществе составляет важный аспект изучения социальной коммуникации как таковой. С другой стороны, и в особенности в условиях нынешней ситуации в России, на первый план выходят проблемы, связанные с установлением взаимопонимания между этническими, национальными, религиозными группами, с преодолением конфликта культур. Отдельный немаловажный пласт составляют вопросы организационной коммуникации в рамках различных типов формальных и неформальных организаций. Значительный интерес представляет изучение типологических различий между коммуникационными процессами в тоталитарных обществах и в свободном гражданском обществе, исследование социальных изменений, обусловленных развитием гласности, отношений средств массовой информации и власти, специфики современного политического дискурса. Отдельно необходимо упомянуть о проблеме роли коммуникации в развитии глобализационных процессов с их позитивными и негативными моментами. В последнее время все большее внимание к себе привлекают такие коммуникативные по своей природе явления, как манипулирование массовым сознанием со стороны масс-медиа, информационное «зомбирование», суггестивное воздействие рекламы и политической пропаганды, что неразрывно связано с проблемой свободы сознания от тотального распространения «мягких» — суггестивных — форм социального контроля.

Перечисленные аспекты коммуникационной проблематики далеко ее не исчерпывают. Этот перечень лишь дает представление о ее глубине и значимости. В конечном счете всю совокупность этих проблем можно свести к одной фундаментальной проблеме теории современного общества, четко поставленной Ю.Хабермасом, — проблеме существования индивида как носителя свободного морального сознания в коммуникативном обществе. Не случайно многообразные проблемы коммуникации оказались в центре внимания XXI Всемирного философского конгресса¹.

Отсюда вытекает актуальность обращения к социально-философскому исследованию феномена коммуникации. Она определяется назревшей потребностью в осуществлении теоретической рефлексии над из-

¹ XX1st World Congress of Philosophy. Philosophy facing world problems. Abstracts. August 10-17, 2003. Istanbul Convention and Exhibition Center. Turkey.

менениями, происходящими в сфере коммуникации, и сопутствующими им социальными изменениями; в осмыслении открывающихся возможностей социальной регуляции, связанных с новой фазой развития коммуникации, и сопряженных с ней опасностей ограничения свободы индивидуального сознания.

Степень научной разработанности темы. Природа и сущность социальной коммуникации, ее роль в обществе, взаимоотношения с культурой, многообразные аспекты коммуникативных отношений в разных сферах социальной жизни давно и прочно заняли свое место в исследованиях отечественных и зарубежных авторов. Прежде всего в этой связи необходимо назвать концептуальные подходы к этому феномену крупнейших представителей современной социальной философии и теоретической социологии — Н.Лумана, Ю.Хабермаса, П.Бурдьё, П.Бергера, Т.Лукмана, теоретиков культуры — К. Леви-Стросса, К. Гиртца, исследовавших коммуникацию как основу социальной саморефлексии и культурного самовоспроизводства общества. В то же время нельзя недооценить вклада, внесенного в исследование коммуникации представителями всех областей гуманитарного знания. Глубоко и многосторонне разработаны психологические основания коммуникативного взаимодействия в исследованиях М.Арджайла, Е.Аронсона, Э.Берна, Ф.Зимбардо, Я.Камероу, А.Маслоу, Ф.Рача, И.Рейковского, С.Рубинштейна, С.Хирша. Имеется обширный пласт исследований высокого теоретического уровня, посвященных семантико-лингвистическим и структурным аспектам коммуникации, — это работы Р.Барта, М.Бахтина, Э.Сепира, Ф.Соссюра, В.Проппа, Н.Хомского. В частности, исследования В.Проппа в области морфологии волшебной сказки стали методологической основой структурного анализа информационного воздействия масс-медиа. В трудах Э.Сепира дается анализ определяющего влияния языковых форм коммуникации на формирование социальной ментальности. Обширную перспективу для более углубленного понимания феномена коммуникации представляет разработанная М.Бахтиным диалогическая модель дискурса.

В этом же направлении двигались европейские философы экзистенциальной ориентации — М.Бубер, Р.Бульман, К.Ясперс, в центре философской рефлексии которых находились проблемы внутреннего диалога сознания и взаимоотношений «Я» и «Другого». Феноменологический подход к исследованию коммуникации представлен работами А.Шюца, П.Гарфинкеля.

Отдельно необходимо упомянуть имена создателей концепции информационного общества — Д.Белла, О.Тоффлера, в понимании ко-

торых коммуникация выступает как особый научно-информационный комплекс, образующий основу современного развитого общества, конституирующий его правящую элиту и определяющий его сущностные отличия от обществ прошлого, характеризующихся иными, гораздо более ограниченными коммуникационными возможностями.

Исследованиями коммуникации на методологических основаниях, близких к бихевиоризму, занимались К.Ховланд, Х.Кентрил, П.Лазарсфельд, Х.Ласуэлл, Р.Парк, изучавшие механизмы направленного воздействия политической пропаганды. Прагматический аспект исследования социальной коммуникации представлен работами А.Моля. Роль коммуникационных и информационных процессов в формировании определенного социального типа личности или «социального характера» вскрыли мыслители Франкфуртской школы, стоявшие на позициях неофрейдизма и фрейдомарксизма, — Т.Адорно, Э.Фромм, близкий к ним Г.Маркузе. В знаменитой работе Е.Маркузе «Одномерный человек» исследуется воздействие средств массовой коммуникации и рекламы как форма «мягкого» социального контроля в «государстве всеобщего благоденствия». М.Кастельс рассматривает социальную коммуникацию и, в частности, масс-медиа в аспекте идущих в современном мире процессов глобализации. Вопросы политической коммуникации исследует Д.Кола.

Более частные аспекты коммуникативных процессов также нашли адекватное отражение в трудах исследователей. Так, в контексте социального взаимодействия коммуникация рассматривается в работах М.Арджайла, Я. Гибба, К.Глицинской, Л.Конпоновича и др., специфика вербальной формы коммуникации — в работах Ч.Матусевича, Е. Холла. Социально-философскую метарефлексию над различными теориями и моделями коммуникации мы обнаруживаем в работах З.Ненцкого, Ю. Подгурецкого, К.Розенгрена. Межгрупповая и внутригрупповая коммуникация исследовалась М.Грановеттером, кросскультурная семантика коммуникативного процесса — К.Осгудом. Значительный интерес представляют исследования по организационной и управленческой коммуникации К.Балавайдера, З.Брешковича, Т.Барнса, Ф.Льюиса, Э.Роджерса и Р.Агарвала-Роджерса, П.Хофстеда. Перцептивные аспекты коммуникативного взаимодействия изучаются П.Варремом и Ч.Кнаппером, Л.Гржесиком, Ф.Литтауэром, Т.Мадржицким, Е.Мелибрудой, Дж.Олпортом, Е.Тржбинской. Подробно разрабатываются проблемы социологии языка (К.Анусиевич, Й. Бартминский, Б.Бернштейн, З.Бокшанский, А.Вербицка, Д.Никлас, А.Пиотровский, В.Сенковский, Д.Хаймс, А.Шафф и др.). Сквозь призму стиля жизни коммуникативные процессы исследуются в работах Л.Гржесика и Е.Тржбинской, С.Мики, З.Пшелковского,

Ю.Подгурецкого. Среди исследователей деятельности масс-медиа следует назвать в первую очередь Я.Гайду, Д.Кемпбелла, Ю.Подгурецкого. Манипуляция сознанием и социальный контроль со стороны масс-медиа освещаются М.Главинским, Бр.Лепой, Ч.Миллсом, Р.Навратом, Ю.Подгурецким, К.Уилком. Интерактивные аспекты коммуникации продуктивно исследуются: в ракурсе формирования жизненных установок личности — Т.Ньюкомом, Т.Тайфелем, К.Тиле-Дорманом; формирования аксиологических параметров личности (оценок и ценностей) — С.Ашем, Р.Стаховским, Дж.Шерифом, Л.Хармоном.

В России изучение социальной коммуникации долгое время носило преимущественно эмпирический — эмпирико-социологический и эмпирико-психологический характер, на более абстрактно-теоретическом уровне вписываясь в принятую формационную парадигму социального развития. В постсоветский период проблемы коммуникации стали вызывать острый научный интерес, что объясняется, вероятно, запоздалым освоением и переосмыслением западных теоретических работ, снятием идеологических ограничений. Современные отечественные разработки в области теории социальной коммуникации становятся все более многочисленными. Среди авторов, плодотворно занимающихся этой тематикой, необходимо назвать Т.Адамьянц, Г.Андрееву, А.Войскунского, Е.Головаху, М.Горшкова, Т. Дридзе, И.Ильяеву, В.Кашкина, Г.Кнабе, В.Костюка, В.Конецкую, В.Курбатова, А. Павлова, Н.Панину, Г.Почепцова, Н.Романовского, В.Терина, Л.Филонова, Л.Федотову. Социолингвистические аспекты современной русской речевой коммуникации изучает Ю.Бельчиков, Е.Тарасов. Результативно исследуются процессы политической коммуникации, структурирования современного политического дискурса в работах Л.Бляхера, В.Гельмана, М.Грачева, К. Завершинского, М.Ильина, Е.Кольцовой, А.Соловьева; деятельность электронных СМИ в социокультурном пространстве современной России изучают Л.Землянова и В.Пугачев; коммуникативные аспекты власти рассматривает А.Мельвиль.

Необходимо отметить разработки в области исследования межличностной коммуникации А.Бодалева, А.Борисова, Н.Данакина, М.Когана, в области социально-психологических оснований коммуникации — А.Леонтьева, В.Лабунской, Б.Ломова. В последнее время возрос интерес к невербальным формам коммуникации (работы В.Домаховского, А.Меграбяна и др.). Вербальная коммуникация изучается В.Дзинаржем, Я.Петрушиновой. Механизмы коммуникативной регуляции исследовались Г.Григорьевой, А.Егидесом, Д.Зарайским, технологические аспекты оптимизации этого процесса — Н.Данакиным, Л.Дятченко, И.Ильяе-

вой. Проблемы использования СМИ в целях манипулирования массовым сознанием изучают И.Викентьев, Д.Волкогонов, И.Хольдман, Е.Доценко, Л.Ионин, А.Ибрагимов, С.Кара-Мурза, А.Кочергин, Л.Коган. Структура информационного пространства современного общества, роль новых информационных технологий освещается в работах Р.Абдеева, В.Иноземцева, Т.Калугиной, Е.Кольцовой, И.Купер, В.Кувалдина, Н.Моисеева, Н.Покровского, В.Тарасенко, А.Урсула.

Как видно из вышеизложенного, проблемы социальной коммуникации находятся в настоящее время в центре интересов многих отечественных и зарубежных исследователей. Тем не менее, в изучении коммуникативной проблематики еще остаются определенные пробелы, обусловленные, в первую очередь, отсутствием комплексных разработок, которые бы позволили свести воедино отдельные концептуальные достижения. Недостаточно, на наш взгляд, в отечественной литературе разработана проблема соотношения социальной коммуникации и культуры, их взаимовлияния, мало исследованы социальные механизмы формирования и трансляции значений. Интерес представляют слабо до сих пор изученные отечественными специалистами аспекты организационной коммуникации, в частности, связь между типом социетальной культуры и доминирующим типом организационной структуры. Требуются дополнительные исследовательские усилия для объективной оценки процесса манипулирования массовым сознанием, вскрытия его механизмов, выработки мер по оптимизации информационной деятельности. Важный аспект исследований коммуникации составляет изучение феномена дискурса, в частности, политического и социального, и в этой сфере еще много предстоит сделать.

Этими соображениями и определяется наше обращение к данной теме.

Объектом настоящего диссертационного исследования является социальная коммуникация как способ регулирования взаимодействия индивидов, групп и общностей в современном обществе.

Предметом исследования выступает социальная коммуникация как процесс формирования и социальной трансляции сети смыслов и значений, конституирующих парадигматические структуры информационного пространства с целью интеграции общества.

Цель исследования заключается в осуществлении комплексного социально-философского анализа специфических особенностей коммуникационного взаимодействия, типологических характеристик различных уровней социальной коммуникации, способов организации социаль-

ного дискурса в контексте культурных и социальных форм современного общества.

Для реализации поставленной цели необходимо решить следующие исследовательские задачи:

- проанализировать имеющиеся социально-философские и металингвистические подходы к пониманию феномена социальной коммуникации и обосновать возможность их синтеза;
- исследовать социальный генезис значений и информационных кодов и процесс формирования на их основе вербальной и невербальной коммуникации;
- выявить единые экзистенциальные параметры коммуникативного взаимодействия в рамках многоуровневой модели коммуникации;
- вскрыть связи, существующие между доминирующим в обществе типом коммуникации и базисными социокультурными характеристиками;
- рассмотреть металингвистические основания внутриличностной и межличностной коммуникации как диалогической экзистенциальной модальности;
- исследовать структуру организационной коммуникации в контексте многоуровневой модели коммуникативного процесса;
- проанализировать эффекты социального воздействия масс-медиа;
- подвергнуть сравнительному анализу современные и постмодерные представления о виртуальной реальности и рассмотреть мифо-символические истоки виртуализации коммуникативного пространства под воздействием медийных нарративов;
- вскрыть роль нарративной практики масс-медиа в осуществлении манипулятивных форм социального контроля;
- обосновать наличие изменений форм социального бытия под влиянием развития компьютерных технологий и проанализировать характер этих изменений;
- исследовать феномен виртуализации общества и культуры в связи с трансформациями социального бытия в коммуникативном обществе;
- исследовать корреляцию и взаимовлияние глобализационных процессов и процесса формирования единого информационного пространства в перспективе становления глобального общества.

Теоретико-методологическую основу исследования составляют принципы исследования социальной коммуникации, разработанные в трудах крупнейших отечественных и зарубежных философов, социо-

логов и лингвистов, таких как П.Бурдьё, К.Гирц, Н.Луман, Ю.Хабермас, Д.Зильберман, М.Бахтин, А.Шюц, Э.Сепир, Ж.Бодрийяр, М.Фуко, У.Эко. Поставив перед собой задачу реализации комплексного подхода, мы стремились в ходе исследования по мере возможности придерживаться стратегии методологического синтеза. Так, опираясь на идеи постструктурализма в исследовании коммуникации как социолингвистического феномена, мы используем в качестве базисного представление о структурном характере коммуникации, о зависимости культуры и социального действия от символического потенциала коммуникативных кодов, о полилингвальности современного общества как сложной структуры дискурсов.

С другой стороны рассмотрение коммуникативных процессов на уровне межличностной и групповой интеракции требует обращения к широкому методологическому арсеналу исследования межличностных отношений, разработанному экзистенциализмом, в частности, КЛсперсом, М.Бубером, Ж.-П.Сартром, а в отечественной мысли — М.Бахтиным. Речь идет прежде всего об отношениях «Я» и «Другого» как экзистенциальном модусе существования, о диалогической природе общения, о металингвистическом (термин М.Бахтина) потенциале слова и языка. В этой связи необходимо указать среди основных методологических посылок исследования разработанную Бахтиным металингвистическую модель коммуникации.

Необходимость соединения в пределах одного исследования макросоциального и интеракционного ракурсов рассмотрения коммуникативных процессов, а также потребность в адекватном понимании феномена виртуальной реальности продиктовала обращение в целях синтеза к феноменологическому подходу, развитому применительно к социальному бытию А.Шюцем и Г.Гарфинкелем.

Принципиальное значение для настоящего исследования имела концепция коммуникативного общества Ю.Хабермаса. В разработке проблемы взаимоотношений коммуникации и культурного пространства общества использовалось фундаментальное положение К.Гирца о коммуникативной сущности культуры, а также известная гипотеза Э.Сепира о языковой предзаданности социального менталитета.

На более конкретных уровнях исследования использовались в качестве базовых феноменологический метод (применительно к исследованию виртуальной реальности), конкретноисторический метод (применительно к рассмотрению генезиса человеческой коммуникации). При исследовании деятельности масс-медиа мы опирались также на подходы, развитые в рамках медиаэкологии. В основу попытки развить гипер-

текстовое понимание коммуникативных процессов современного общества положены некоторые идеи герменевтики постмодернизма (Ж.Деррида).

Полученные в ходе исследования результаты содержат определенную **научную новизну**, которая состоит в следующем:

- проведен критический анализ разработанных в современной социологии и смежных областях гуманитарного знания концептуальных подходов к исследованию феномена коммуникации и обоснована возможность осуществления методологического синтеза на основе макро-социальных теорий коммуникативного общества, экзистенциальной феноменологии и металингвистической модели дискурса;
- исследованы основные закономерности социального генезиса семантических структур, образующих коды коммуникативного поля и реализующихся в процессе вербальной и невербальной коммуникации, показана единая семантическая природа последних;
- выявлены экзистенциальные характеристики коммуникативного взаимодействия как межличностного взаимодействия-в-ситуации, мотивированного и конституированного специфическими императивами;
- исследованы металингвистические характеристики межличностной коммуникации как диалогической модальности, атрибутивной для человеческого существования и составляющей экзистенциальное основание социальности;
- показано место организационной коммуникации в многоуровневой структуре коммуникативного процесса и проанализированы механизмы взаимовлияния организационной коммуникации и типа культуры;
- раскрыты типологические связи, объединяющие тип коммуникативного пространства и доминирующий в обществе характер культуры, на основе введения понятия «коммуникативной матрицы»;
- подвергнуты анализу эффекты социального воздействия масс-медиа и показаны закономерности воспроизводства потребности в пользовании ими, формирования определенных качеств личности под влиянием масс-медиа в соответствии с социальными, гендерными и возрастными параметрами;
- рассмотрены в контексте сравнительного анализа современных и постмодерных концепций виртуальной реальности процессы масс-медийной виртуализации культуры и показана мифо-символическая природа медийного нарратива;

- исследованы механизмы манипулятивного влияния массмедийных технологий на сознание реципиентов и вскрыты основные характеристики массмедийного кризиса культуры;
- проанализированы трансформации социального бытия, вызванные коммуникативными изменениями в связи с развитием компьютерных и сетевых технологий;
- осуществлен феноменологический анализ процесса общей виртуализации социального бытия в пространстве современного коммуникативного общества;
- оценены перспективы дальнейшего формирования единого коммуникативного пространства информационного общества в ходе развития сетевых технологий и распространения глобализационных процессов.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Адекватное современности понимание феномена социальной коммуникации предполагает сочетание социально-философской рефлексии с освоением достижений в этой области лингвистической мысли и требует реализации определенного уровня междисциплинарного синтеза. Такой синтез возможен в рамках подхода, который можно обозначить как металингвистический, пользуясь термином, восходящим к коммуникационной модели М.Бахтина, и расширяя его значение до методологической установки на исследование специфической социальной знака и текста, на признание социально-философской репрезентативности и самодостаточности дискурса как предмета изучения. Обращение к исследованию социолингвистических оснований общественных практик, в свою очередь, должно быть дополнено экзистенциально-феноменологическим ракурсом, раскрывающим диалогическую и ситуационную природу коммуникативного процесса как межличностной интеракции.

2. Специфика человеческой коммуникации как социального взаимодействия определяется ее интерсубъективностью и интенциональностью, что свидетельствует о ее сознательной и целерациональной природе. В то же время целерациональность коммуникативного процесса и его когнитивные параметры относятся к сфере дорефлексивного *cogito* (дорефлексивного уровня познающего сознания). Способность к знаковой символизации и распознаванию символических когнитивных кодов может рассматриваться как антропосоциальное основание коммуникации. Процесс социального генезиса и развития коммуникации охватывает движение от дорефлексивной фазы социального взаимодействия к все более высоким порядкам социальной саморефлексии, к уровню системного аутопойесиса. С точки зрения внутренней структуры коммуника-

тивного процесса историческое развитие коммуникации заключается в постепенном нарастании доли вербальных кодов по отношению к невербальным и формировании символических пространств дискурса, в рамках которых конституируется понимание смыслов социального действия.

3. Коммуникация как процесс социального взаимодействия обладает экзистенциальным измерением, которое проявляется в модальности intersубъективного диалога. Экзистенциальное основание коммуникации составляет структура взаимодействия Я-субъекта с Другим-субъектом, реализующаяся в наложении на определенные социальные ситуации. Устойчивые параметры восприятия Другого как коммуникатора включают в себя ряд необходимых идеализации, конституирующих единое коммуникативное поле интеракции. Идеализации и ситуационные императивы, организующие в своей совокупности понимание Другого и возможность вступления с ним в понимающее взаимодействие, представляют собой когнитивные константы коммуникации. На основе этих констант выстраиваются смыслы и интенции социального действия, устанавливается соотношение между личностной и социальной самоидентификацией.

4. Ценностно-нормативная база культуры может интерпретироваться как систематизированная совокупность информационных кодов, в соответствии с которыми общество оценивает конкретные действия и события. По аналогии с принадлежащим неоинституционализму понятием институциональной матрицы представляется возможным ввести понятие «коммуникативной матрицы» общества, то есть устойчивого комплекса характеристик сложившегося в обществе типа коммуникации, который предполагает определенные оптимально сочетающиеся с ним ценностно-нормативные конститутивы социальной жизни. Социальное давление на индивида в таком понимании выступает как давление установившейся в культуре сети значений. Коммуникативная структура общества, помимо этого, задает тип распределения информации, формы информационного неравенства, определяет присутствие и долю в обществе информационной элиты, степень информационной свободы и гласности, и, следовательно, в корреляции с ней находятся социальные институты и способ их функционирования.

5. Диалогическая природа сознания определяет существование коммуникации уже на внутриличностном уровне. Экзистенциальная структура восприятия Другого представляет собой идеализированную проекцию внутриличностного диалога, на основе которой складывается комплекс коммуникативных характеристик личности, или «коммуникативная личность». Не будучи тождественной личности индивида как та-

ковой, коммуникативная личность включает в себя ряд когнитивных, мотивационных, функциональных параметров, в целом определяющих интенсивность, содержание и социальный успех коммуникационных взаимодействий, в которые вступает индивид. Если когнитивные параметры коммуникативной личности отражают ее интеллектуально-эмоциональные способности к диалогическому дискурсу и гибкость в выборе коммуникативной стратегии, то роль мотивационных параметров сводится к отражению потребности индивида к межличностному общению, а функциональные параметры определяют качество выбора средств коммуникации.

6. Организационная коммуникация в конкретном обществе реализуется в контексте социальной коммуникативной матрицы, коррелируя с типом культуры данного общества и наряду с другими уровнями коммуникации конституируя структуру единого коммуникативного пространства. Типологические характеристики организационной коммуникации связаны с основными показателями культурной и идеологической атмосферы в обществе: степенью авторитарности власти и в целом традиции властных отношений; преобладанием индивидуалистических или коллективистских аксиологических установок на уровне всего общества; силой влияния гендерных стереотипов на внутриорганизационные отношения и связи; характерным для данного типа культуры порогом допустимой неопределенности (формальной нерегламентированности) индивидуального поведения; господствующей временной ориентацией (на успех в отдаленном будущем или «здесь и сейчас»).

7. Коммуникативное пространство современного общества характеризуется нарастанием информационной изотропности, что делает его пространством преимущественно массовых коммуникаций, апеллирующих к обыденному сознанию реципиентов. Медиатизация всех сфер социальной жизни, определяемая тотальным распространением влияния средств масс-медиа, в числе своих социальных эффектов, помимо роста гласности и расширения возможности информационного контроля над деятельностью властных элит, имеет также формирование искусственно создаваемых устойчивых информационных кодовых паттернов (инфологем), которые функционируют на уровне своего рода виртуальной мифологии, часто апеллируя к архаическим, укорененным в бессознательном страхам и предубеждениям. Схематическая структура медийных нарративов обнаруживает сходство со структурой мифологических повествований в силу единства мифо-символической природы коммуникации и благодаря этому создает специфическое интеллектуально-эмоциональное поле восприятия, благоприятное для актуализации стереотипов,

которые получают новую информационную нагрузку. Тем самым конструируются медийные коды, обладающие потенциалом манипулятивного воздействия и формирующие искусственный, деформированный смысловой континуум.

8. Компьютерные и сетевые технологии радикально меняют саму структуру коммуникативного пространства, внося в него виртуальное измерение, снижающее значимость факторов физического пространства и времени для коммуникативных процессов и переорганизующее социальный ландшафт на основах виртуальных возможностей социальной и гендерной реидентификации. Формирование виртуальной коммуникативной реальности в результате использования человечеством масс-медийных и компьютерных технологий является не только техногенным фактом, но и симптомом глубинных изменений форм социального бытия человечества, которые в совокупности можно обозначить понятием виртуализации социальной реальности. Эти изменения в совокупности составляют закономерный этап исторического развития социальности, связанный с усложнением и глобализацией коммуникативных связей и отношений, главной характерной чертой которого можно считать переход к доминированию коммуникативно-символических, не привязанных непосредственно к институциональным структурам общества, форм и способов поддержания и воспроизводства социальности. Виртуализация социальности отражает также тенденцию к формированию принципиально нового типа культуры, адекватного коммуникативному обществу и предполагающего установку на тотальность сетевого сознания, превышающего реалистическую повседневность, на способность расширенного понимающего диалога с сознанием Другого, на рост в целом потенциала интерактивности социальной коммуникации.

9. Глобализационные процессы, изменяющие пространственно-временную структуру современного общества в сторону предельного уплотнения и ускорения коммуникаций, в совокупности с процессом формирования виртуальной информационной реальности образуют единую перспективу мирового развития. В этой перспективе новые возможности информационного обмена соседствуют с превращением реального географического пространства в пространство коммуникационных сетей, разрушением традиционных символических кодовых систем и сопряженной с ним диффузией универсального символизма глобальной массовой культуры, растущим вытеснением реальной действительности в массовом сознании виртуальными фикциями, внедряющими ценности консьюмеризма.

Научно-теоретическая значимость диссертации определяется острой актуальностью исследований в области социальной коммуникации. Полученные результаты позволяют углубить имеющиеся теоретические представления о взаимосвязях коммуникации и культуры, единстве и взаимодействии уровней коммуникации, влиянии глобализационных процессов на формирование единого информационного пространства, социальных эффектах функционирования глобальных информационных сетей.

Материалы исследования могут использоваться в преподавательской практике при чтении общих и специальных курсов по социальной философии, социологическим дисциплинам, теории коммуникации, журналистике, лингвистике. Полученные результаты могут быть применены в поиске путей оптимизации деятельности средств массовой информации.

Апробация работы. Основные положения и выводы диссертационного исследования докладывались и обсуждались на III Российском философском конгрессе «Рационализм и культура на пороге 3 тысячелетия» (Ростов-на-Дону, 2002), II Всероссийском социологическом Конгрессе «Российское общество и социология в XXI: социальные вызовы и альтернативы» (Москва, 2003), Международных конференциях «Контрастная лингвистика. Методика обучения иностранным языкам» (Ростов-на-Дону, 1997), «Новые информационные технологии в университетском образовании» (Новосибирск, 1998), Всероссийских конференциях «Пути формирования гражданского общества в полиэтническом Южно-российском регионе» (Ростов-на-Дону, 2001), «Цивилизация и человек: проблемы развития» (Ростов-на-Дону, 2001), «Социальный порядок и толерантность» (Краснодар, 2002), «Теоретические и прикладные вопросы современных информационных технологий» (Улан-Удэ, 2002), на региональных и внутривузовских научных конференциях в 2000-2003 гг. Полученные результаты исследования были апробированы автором при чтении спецкурсов для студентов РГУ. Материалы исследования были отражены в пятнадцати научных публикациях, общим объемом 31,1 п.л.

Структура диссертации включает введение, четыре главы, состоящие из 12 параграфов, заключение и список использованной литературы из 363 источников; текст работы занимает 320 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во «Введении» обосновывается актуальность выбранной темы, освещается степень ее разработанности, определяются объект, предмет и цель исследования, ставятся его задачи, формулируются элементы новизны и основные положения, выносимые на защиту.

Глава первая «Социально-философские и металингвистические параметры исследования коммуникации» посвящена общему обзору методологий и парадигм исследования коммуникации в междисциплинарном плане. Коммуникативные процессы, подчеркивает автор, традиционно являются предметом исследования частных наук, изучающих общение и речь, — психологии и филолого-лингвистического комплекса. Изучение коммуникации средствами социальных наук и с исследовательскими целями, определяемыми спецификой их предметной области, началось гораздо позднее и в настоящее время успешно осуществляется на основе сближения междисциплинарных границ. Прежде всего речь идет об использовании теоретических моделей коммуникации, разработанных в рамках психологии и лингвистики. В то же время существуют собственно социально-философские и социологические парадигмы изучения коммуникации как социального феномена, каждая из которых обладает собственными методологическими основаниями. По мнению автора, определенные позитивные результаты в настоящем исследовании могут быть достигнуты с позиций интегративного подхода, который позволил бы выйти на новый уровень синтеза и рассмотреть коммуникативные процессы одновременно в плане intersubjectивного взаимодействия, реализуемого на вербальном и невербальном уровне, и в социетальном плане. Исходя из поставленной задачи, в первой главе дается общий анализ подходов к феномену коммуникации, сложившихся на сегодняшний момент, их достоинств и недостатков, а также анализируются данные, предоставляемые науками лингвистического комплекса относительно природы и сущности коммуникации как процесса передачи значения. Решению этих промежуточных задач соответственно посвящены параграфы настоящей главы исследования.

В параграфе 1.1. «Феномен коммуникации в социально-философском ракурсе: смысловые грани анализа» автор подробно останавливается на рассмотрении философского содержания феномена коммуникации. Он подчеркивает, что атрибутивный характер способности и потребности коммуникации для человеческого общества проявляется в том, что коммуникация в том или ином виде существовала и

существует в обществах всех типов, во все времена и эпохи.² Хотя средства коммуникации за прошедшие столетия кардинально изменились, коммуникативные процессы обнаруживают некоторые основополагающие черты, общие для всех времен, независимо от масштаба и сложности коммуникативных единиц и от временной и пространственной дистанции между ними. Таким образом, коммуникация — это феномен, изначально присущий всем человеческим существам и всей человеческой деятельности. Как отмечает автор, в философско-социологическом исследовании коммуникативных процессов можно выделить два наиболее масштабных отдельных взаимодополняющих направления. Первое направление составляет эмпирическая социология коммуникации, непосредственно связанная с развитием информационных технологий. Прагматический аспект исследования социальной коммуникации связан с проблемой отношения знаков к их пользователям и находит отражение в системе публичных речей. Исследования коммуникативных процессов в аспекте формирования жизненного стиля являются также одной из граней социологии коммуникации. Структуралистские методологии изучения коммуникации, основанные на применении понятия кода, как подчеркивают исследователи³, позволяют вскрыть ряд неявных структур социальной и политической реальности. В качестве второго фундаментального направления автор называет философское исследование коммуникативных процессов в экзистенциальном и персоналистском ключе, представленное трудами М. Бубера, Ж.-П. Сартра, К. Ясперса и других мыслителей, рассматривавших отношения коммуникации с Другим как основополагающий принцип человеческого бытия. К этому направлению примыкают лингвистические работы М. Бахтина о диалоговом дискурсе, символический интеракционизм (Дж.Г. Мид, Г. Блумер), социолингвистические исследования, феноменология А. Шюца и Г. Гарфинкеля. На основе междисциплинарного синтеза социальной философии, психологии, социологии и лингвистики, полагает автор, возможно более глубокое понимание сущности коммуникативных процессов. В настоящее время исследователи все больше склоняются к пониманию коммуникативной природы социальности. Характер общества, ключевые черты идущих в нем процессов интерпретируются через принятые в нем адекватные ему формы коммуникации. «Об-

² См.: Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках. Редактор-координатор—академик РАН Г.В. Осипов. М., 1998. С. 133.

³ Бляхер Л.Е. Российский политический дискурс и концептуализация становящегося политического пространства//Политические исследования. 2002, №3. С. 34.

щество только кажется статичной суммой социальных институтов: в действительности оно изо дня в день возрождается или творчески воссоздается с помощью определенных актов коммуникативного характера, имеющих место между его членами»⁴.

На аналогичной позиции стоит создатель коммуникативной парадигмы в социологии Н. Луман. Согласно его концепции, социальной системе, чтобы не раствориться в окружающей среде, необходима способность к самонаблюдению и самоописанию. С помощью коммуникации общество не только адаптируется к условиям внешней среды, а воспроизводит собственные смысловые границы. Следовательно, согласно Луману, общество неотделимо от собственного типа коммуникации; оно и есть коммуникация. Холистичность такого понимания, на которую указывает А.П. Павлов⁵, проявляется в том, что здесь общество как коммуникативная система полностью поглощает индивидов как субъектов коммуникативного взаимодействия. В то же время невозможно игнорировать тот факт, что коммуникация рождается из межличностного взаимодействия, даже из внутриличностного диалога как специфической модальности последнего. Ю. Хабермас, включая положения теории речевых актов в социологическую теорию, развивает теорию коммуникативного действия как теорию общества.⁶ Согласно Хабермасу, коммуникация ориентирована на достижение, сохранение или обновление консенсуса как основного фактора солидарности и стабильности общества. Она является неотъемлемой частью системы действий: лишь достигая понимания относительно ситуации действия, акторы могут адекватно действовать.

Понимание социальной коммуникации, развитое Хабермасом и Луманом, бесспорно, составляет качественно иной уровень концептуализации этого феномена, нежели исследования intersubjectных взаимодействий. Автору представляется, однако, что возможен определенный продуктивный синтез обоих подходов. Основанием такого синтеза может стать совмещение социального и личностно-экзистенциального ракурсов интерпретации повседневного бытия индивида среди социальной реальности.

⁴ Сепир Э. Коммуникация // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М: Издательская группа «Прогресс-Универс», 1993.

⁵ Павлов А.П. Социальные проблемы коммуникативного порядка// <http://arctogaiakrasu.ru/laboratory/pavlov/soc.shtm>

⁶ Современная западная теоретическая социология. Реф. сборник. Вып. 1. Ю. Хабермас. М: ИНИОН, 1992.

Поскольку исследование коммуникативных процессов базируется на вычленении и изучении типологических особенностей дискурсов, конституирующих ментальное пространство и специфику понимания той или иной социальной группы или общества в целом, это ориентирует на обращение к исследованию социального генезиса и функционирования языка как основного инструмента человеческой коммуникации.

Параграф 1.2. «От невербальной коммуникации к языку: генезис и развитие языковых форм» посвящен анализу процесса исторического формирования человеческой коммуникации. Выделение коммуникативных сигналов из системы врожденных форм поведения, как показывает автор, является лишь первым шагом, за которым следует оптимизация этих сигналов, и тем самым сигнал приобретает характер знака. Динамика и направленность процесса семантизации коммуникативных средств определяется потребностью в социальной координации деятельности⁷.

Автор показывает, что основой коммуникативного процесса является использование кодов как система правил, по которым осуществляется функционирование языка. Код выполняет металингвистическую функцию и служит проверке корректности употребления языка. Коды способствуют трансформации субстанции сообщений, их передаче или консервации и хранению в зависимости от различных ситуаций и условий. Хотя речь и является универсальным средством общения, она приобретает значение только при условии включения в систему деятельности, а включение это обязательно дополняется употреблением других — неречевых — знаковых систем. Таким образом, невербальная коммуникация представляет собой необходимое дополнение речи. Невербальная коммуникация включает следующие основные знаковые системы: оптико-кинестическую, пара- и экстралингвистическую, организацию пространства и времени коммуникативного процесса, визуальный контакт. Каждая из этих четырех систем невербальной коммуникации использует свою знаковую систему, которую можно рассматривать как определенный код. Всякая информация должна кодироваться, причем так, чтобы система кодификации и декодификации была известна всем участникам коммуникативного процесса. Но если в случае с речью эта система кодификации более или менее общеизвестна, то при невербальном общении, подчеркивает автор, важно в каждом случае определить, что здесь можно считать кодом и, главное, как обеспечить, чтобы другой партнер по общению владел этим же самым кодом.

⁷ Кликс Ф. Пробуждающееся мышление. У истоков человеческого интеллекта. М., 1983. С. 84.

Автор показывает, что базовой характеристикой человеческой коммуникации является интересубъективность и интенциональность. Он выделяет следующие фазы развития форм коммуникации в природе и обществе: *тактильно-кинестическая* у высших приматов, *устно-вербальная* у первобытных народов, *письменно-вербальная* на заре цивилизации, *печатно-вербальная* после изобретения книги и многоканальная, начинающаяся в современный момент. Применение функционального анализа позволяет выделить следующие социальные функции коммуникации в современном обществе: информационную, интегративную, контролирующую, экспрессивную. В конечном счете эти функции связаны с элементарными речевыми действиями (иллокуциями), которые получили множество различных философских и лингвистических интерпретаций.

Автор солидаризируется с Т.М. Дридзе⁸ в отношении разработанной ею семиосоциопсихологической теории коммуникации, считая также, что социальную коммуникацию целесообразно рассматривать как текстовую деятельность, т. е. как обмен действиями порождения и интерпретаций текстов как единиц коммуникации, в ходе которого выясняется, способны или не способны люди понимать друг друга. Коммуникативная интенция, определяемая в семейосоциопсихологии как «равнодействующая мотива и цели общения», выступает в качестве критерия оценки уровня коммуникативной компетенции воспринимающей стороны. Момент «согласия-несогласия» рассматривается как второстепенный по отношению к пониманию коммуникативной интенции. В качестве эффективного инструмента анализа процессов коммуникации, наряду с общеизвестным контент-анализом, предлагается разработанный в семейосоциопсихологии метод мотивационно-целевого (интенционального) анализа текстов как единиц коммуникации. В этом случае тексты изучаются не только на микроуровне (логико-фактологическая цепочка), но и на макроуровне, исходя из интенциональной направленности сообщений, что позволяет сопоставлять содержательно-смысловую структуру порождаемого текста с аналогичной (в идеале) структурой его восприятия.

В процессе многоуровневой коммуникации текст структурируется, институционализируется, приобретает свои собственные функции. Из набора знаков, несущих некоторую информацию и выполняющих вспомогательную функцию в других социальных структурах, текст превращается в самостоятельную социальную структуру.

⁸ Дридзе Т.М. Социальная коммуникация как текстовая деятельность в семейосоциопсихологии // Общественные науки и современность. 1996. №3.

В параграфе 1.3. «Понятие дискурса в аспекте металингвистики» анализируется сущностная природа дискурса как основной формы вербальной коммуникации. Суммируя различные понимания дискурса, автор показывает базовые координаты, с помощью которых определяется дискурс: формальная, функциональная, ситуативная интерпретация. Формальная интерпретация — это понимание дискурса как образования выше уровня предложения. Ситуативная интерпретация дискурса — это учет социально, психологически и культурно значимых условий и обстоятельств общения, т.е. поле прагмалингвистического исследования. Закономерно поэтому обращение к дискурсу при исследовании проблем социалингвистики и этнографии коммуникации, когнитивной лингвистики и психолингвистики⁹. Применяя данный подход к исследованию социально-философских аспектов дискурса, автор опирается на разработанную Р.Ходжем и Г.Крессом модель «логономической системы», представляющей собой набор правил, предписывающих условия для производства и восприятия смыслов. Согласно этой модели логономические условия определяют, кто имеет право устанавливать и получать смыслы, какие темы могут наделяться смыслами, при каких обстоятельствах и в какой модальности это может происходить¹⁰.

Исследования социального наполнения дискурса, по мнению автора, позволяют раскрыть сущностные характеристики вербального уровня социальной коммуникации. Особый интерес в этой связи составляет статусно-ориентированный дискурс — институциональное общение представителей социальных групп или институтов друг с другом, с людьми, реализующими свои статусно-ролевые возможности в рамках сложившихся общественных институтов, число которых определяется потребностями общества на конкретном этапе его развития". Социалингвистика в целом рассматривает дискурс с позиций принадлежности участников к той или иной социальной группе или применительно к той или иной типичной речеповеденческой ситуации, например, к институциональному общению. Автору представляется возможным выделить применительно к современному социуму политический, административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, мистический, медицинский, деловой, рекламный, спортивный, научный, сценический и массово-информационный виды институцио-

⁹ Макаров М.Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе. Тверь: Изд-во Тверск. ун-та, 1998. С. 68-75.

¹⁰ Hodge Я., Kress G. Social Semiotics. Cambridge: Polity, 1988. P. 3-6.

¹¹ Карасик В.И. О категориях дискурса// Языковая личность: социалингвистические и эмоциональные аспекты. Сб. науч. тр. — Волгоград — Саратов: Перемена, 1998. С. 190-191.

нального дискурса. Для определения типа институционального общения необходимо учитывать статусно-ролевые характеристики участников, цель общения, прототипное место общения. Институциональный дискурс понимается автором как специализированная клишированная разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума. Понимаемые как специфические нормативные фигуры, своего рода привычки социальной практики, институциональные нормы предписывают определенный тип языковой коммуникации. Как подчеркивает автор, трансформации языковой коммуникации в условиях изменившегося коммуникативного пространства составляют значительный научный интерес. Исследователи¹² отмечают наличие как позитивных, так и негативных изменений в лингвистическом корпусе современного русского языка. Среди тенденций таких изменений отмечается огрубление литературной речи, детабуизация бранной лексики, расширение сферы употребления жаргонизмов. Развитию этих тенденций способствовали, по мнению автора, прежде всего социальные и политические обстоятельства — нарастание политической борьбы, ситуация социально-экономического кризиса; наступление эпохи гласности повлекло за собой некоторые издержки раскованности со стороны активных носителей литературного языка — писателей, журналистов, политических публицистов. Лексика и фразеология криминального жаргона приобрела популярность не только в устной речи, но и в стала существенной составляющей современного российского политического дискурса в текстах СМИ, выступлениях политиков. Отмечается обратное негативное влияние языковых изменений на общественный менталитет.

Глава вторая «Коммуникация как многоуровневая структура: от личности к социуму» посвящена исследованию взаимосвязей различных уровней социальной коммуникации. Тотальный характер коммуникативных процессов, насквозь пронизывающих социальную реальность, в порядке исследования обязательно требует выстраивания типологии, которая высвечивала бы внутреннюю структуру коммуникации. Первое, что в этой связи бросается в глаза, — это комплексная многоуровневая организация коммуникативных процессов, понимаемых как интеракции. Интерактивная сущность коммуникации, обуславливающая социальность и по сути совпадающая с ней, проявляется в том, что коммуникативные процессы существуют, являются интенсивными и непре-

¹² Бельчиков Ю.А. Инвективная лексика в контексте некоторых тенденций в современной русской речевой коммуникации // Филологические науки. 2002. № 4. С. 69-70.

рывными даже на уровне внутренней интрапсихической жизни личности, образуя то, что можно назвать «внутренним диалогом». Межличностный уровень коммуникации составляет основу коммуникативного процесса в малых и больших группах. Тем не менее при всей кажущейся простоте этого уровневого построения коммуникация как социальный феномен находится в тесном единстве с культурой данного общества во всей ее конкретности и полноте. Коммуникативное понимание культуры как сети значений удачно, по мнению автора, выразил Кл. Гиртц, определивший ее следующим образом: «Разделяя мнение М. Вебера, что человек есть животное, вплетенное в сеть значений, которую он сам же и прядет, я рассматриваю культуру как такую сеть, и потому анализ ее должен представлять собой не экспериментальную науку, отыскивающую закон, а интерпретацию, отыскивающую значение»¹³. Придерживаясь такого понимания, автор стремился в настоящей главе исследования показать, насколько тип коммуникации связан с типом культуры и насколько социальная организация общества зависит от преобладающих в культуре значений. Соответственно этой задаче выстроилась структура главы: ее логика предусматривает движение от общей концепции коммуникации как многоуровневой реальности к конкретизации рассмотрения отдельных наиболее значимых уровней — внутриличностного, межличностного, группового, общесоциального. В отношении первых двух уровней наиболее важным моментом представляется раскрытие социальной сущности личности в аспекте осуществляемой ею внутренней и внешней коммуникации. В отношении третьего — выяснение коммуникативных аспектов социализации в семье и других группах. В отношении общества в целом — роль коммуникативных процессов в формировании и поддержании институциональной структуры общества.

В параграфе 2.1. «Личность и группа как уровни коммуникативного процесса» анализируются коммуникативные аспекты существования личности и социальной группы. Как показывает автор, многие современные определения личности опираются на понятия диалогической (некартезианской) парадигмы, основы которой связаны с работами М.М.Бахтина. В то время как Ф. де Соссюр ориентировал лингвистику на изучение языка (абстрактного набора правил) в отличие от речи (реализации этого набора в реальных контекстах), М. Бахтин рассматривал подобный подход как не способствующий пониманию реальных коммуникативных контекстов. По мнению Бахтина, «ближайшая социальная

¹³ Geertz C. Religion as a Cultural System // *Anthropological Approaches to the Study of Religion* /Ed. M. Banton. London: Tavistock, 1978.

ситуация и более широкая социальная среда всецело определяют — при том, так сказать, изнутри — структуру высказывания»¹⁴. Именно поэтому он вводит понятие металингвистики, куда и относит диалогические отношения, включая отношение говорящего к собственному слову¹⁵.

И действительно, в этом пункте раскрываются экзистенциальные корни коммуникативных процессов. Всякое коммуникативное поведение предполагает существование Другого. Еще М. Хайдеггер определил личность человека через апелляцию к значению: «Я есть то, что я говорю». Человек представляет собой не только существо говорящее (*homo loquens*), но и существо, несущее в себе значение (*homo significans*). Это значение, которое несет в себе индивид, может быть прочитано только Другим. В теории Сартра Другой является необходимым условием семиотизации личности и регулятором, организующим ее опыт и поведение: «Появление Другого в моем опыте обнаруживается в таких формах, как мимика и средства выражения, действие и поведение. Все они отсылают к некоторой организующей сущности»¹⁶. Для теории коммуникации, по мнению автора, здесь важно следующее. Адекватное современности понимание феномена социальной коммуникации предполагает сочетание теоретико-социологической рефлексии с освоением достижений в этой области лингвистической мысли и требует реализации определенного уровня междисциплинарного синтеза. Такой синтез возможен в рамках подхода, который можно обозначить как металингвистический, пользуясь термином, восходящим к коммуникационной модели М. Бахтина, и расширяя его значение до методологической установки на исследование специфической социальности знака и текста, на признание социологической репрезентативности и самодостаточности дискурса как предмета изучения. Автор также считает, что обращение к исследованию социалингвистических оснований социальных практик, в свою очередь, должно быть дополнено экзистенциально-феноменологическим ракурсом, раскрывающим диалогическую природу коммуникативного процесса как межличностной интеракции.

¹⁴ Geertz C. Religion as a Cultural System // Anthropological Approaches to the Study of Religion. С. 94.

¹⁵ Бахтин ММ. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972. С. 311. В этом отношении интересно высказывание Ю.М. Лотмана: «сознание есть обмен сообщениями — от обмена между полушариями большого мозга человека до обмена между культурами. Сознание без коммуникации невозможно. В этом смысле можно сказать, что диалог предшествует языку и порождает его» (Лотман Ю.М. Статьи по семиотике и топологии культуры. Т. I. Таллин, 1992. С. 19).

¹⁶ Sartre J.-P. L'etre et le N&uit. Gallimard, Paris, 1943. P. 280.

На индивидуальную коммуникацию как таковую оказывают сильное влияние факторы, которые можно обнаружить в самом индивиде и на надиндивидуальном уровне: строго индивидуальные характеристики, так же как и характеристики, находящиеся под влиянием социальных факторов — позиции индивида в социальной структуре общества; специфической ситуации в момент коммуникации. Основная характеристика любого индивида — его неповторимая личность, структура которой, хотя бы частично, формируется коммуникативными процессами, создающими коммуникативное измерение личности. Однако наиболее первичный и самый интимный уровень коммуникации, как показывает автор, составляет внутриличностная коммуникация, внутренний диалог, составляющий экзистенциальный прототип общения с Другим. «Поток сознания», составляющий основу внутриличностной коммуникации, возможно, уникален. Он — основа процесса индивидуации, процесса, создающего и способность формировать, и способность формироваться — структуру индивидуальности. При исследовании межличностной коммуникации, подчеркивает автор, необходимо обратить внимание на ее модификации, вызванные целым рядом переменных, наиболее важные из которых — возраст, пол, индивидуальность, образование, профессия, социально-классовая принадлежность и национальность. Каждая переменная в сочетании с другими определяет число различных социальных ролей. Как показывает автор, влияние возраста как детерминанты межличностной коммуникации является наиболее сильным. Влияние пола также важно на протяжении всех фаз жизни. Эти две биологические детерминанты межличностной коммуникации всегда взаимодействуют с мощными психологическими и социальными детерминантами. Индивидуальность, в первую очередь детерминированная биосоциальными обстоятельствами, является определяющим фактором коммуникации на протяжении всей жизни. Каждая из рассмотренных переменных оказывает сильное влияние на тип межличностной коммуникации, в которую вступает данный индивид. Автор показывает, что социально значимые различия во многом определяют способ коммуникации.

В коммуникативном процессе участвует индивид, наделенный определенными характеристиками, — *коммуникативная личность*.¹¹ Коммуникативную личность можно определить как совокупность способностей субъекта к выработке, использованию и ретрансляции коммуникативных кодов, обеспечивающих взаимодействие между людьми.

¹¹ См. о ней подробнее: *Савинье П.* Коммуникации и общество. СПб., 1998; *Карташева Е.Н.* Коммуникативная личность и современный процесс социальной динамики. М., 1998.

Качественные характеристики коммуникативной личности зависят от степени ее коммуникативных потребностей, когнитивных потребностей, когнитивного диапазона, умения выбрать коммуникативный код, обеспечивающий адекватное и оптимальное восприятие и целенаправленную передачу информации в конкретной ситуации. Развитие личностью тех или иных коммуникативных стилей (которые могут воспроизводиться человеком в неосознаваемой форме) предполагает их анализ и осознанный выбор при решении тех или иных задач. Самосовершенствование коммуникативной личности поэтому, подчеркивает автор, ведет прежде всего к расширению когнитивного опыта индивида и повышению качества его социальных связей, социализации, что сопряжено с развитием языкового сознания и самопознания.

По отношению к межличностному уровню более высоким и сложным уровнем коммуникации, безусловно, являются коммуникативные процессы, происходящие в больших и малых группах. Но большинство исследователей полагает, что, как правило, можно ограничить определение человеческой группы до объединения сравнительно небольшого числа людей, имеющего конкретные характеристики. К таким базисным коммуникативным характеристикам группы можно отнести, по мнению автора, следующие:

- небольшое число индивидов (максимум 10 или, возможно, 20);
- наличие групповой идентификации, основанной на
 - а) общей, имплицитной или эксплицитной цели;
 - б) более или менее неформальной структуре, включающей своего рода неформальное или полуформальное лидерство.

Групповая коммуникация может, таким образом, быть описана как: (а) коммуникация внутри социальных объектов, имеющих многих индивидов; и (в) коммуникация между такими «организмами» или их социальным окружением. Как и другие действия группы, групповая коммуникация формирует себя сама и формируется структурой группы, определяемой различными ее характеристиками.

В параграфе 2.2. «Организационный уровень коммуникации: место в многоуровневой модели» анализируются проблемы организационной коммуникации в контексте межуровневого взаимодействия. Автору представляется, что организационная коммуникация, хотя ее и можно рассматривать как разновидность групповой коммуникации, все же является качественно новым уровнем коммуникативного процесса. Организация как группа отличается прежде всего целенаправленностью своего функционирования, что не может не сказываться на качестве и характере происходящих в ней коммуникативных процессов. Жестко

структурированный формальный характер коммуникативных взаимодействий в организации можно рассматривать как своего рода упрощенный аналог коммуникации в обществе, где проблема соотношения структуры как ограничителя и действия как индивидуальной инициативы встает во всей своей полноте. Главное отличие организационной коммуникации, по мнению автора, заключается в том, что последняя выступает не только необходимым условием существования и функционирования организации как упорядоченной группы людей, но и средством реализации той цели, ради которой создана данная организация. В силу этого обстоятельства организационная коммуникация представляет собой прежде всего общение и отношения, основным содержанием которых является управление, производство и распространение в обществе продукции и инноваций. Организация в таком случае может рассматриваться как структура, определяемая отношениями между некоторым количеством более или менее взаимосвязанных позиций, при которых люди, занимающие должности, должны играть социальные роли, более или менее четко определенные данными позициями. Таким образом, подчеркивает автор, организации могут рассматриваться как особый тип группы, т. е. как группа, которая имеет формализованную, более или менее иерархизированную структуру коммуникации и четко определенную цель, а также систему стандартизированных процедур для приема и исключения, для принятия решений, для коммуникации с другими организациями и т. д. Новые организационные формы складываются постепенно, но современные тенденции организационной жизни позволяют сделать вывод о необратимости происшедших изменений, среди которых следует выделить повышение степени сложности, глобализацию, усиление экономического давления, увеличение объема и темпа инноваций, усиление предпринимательского подхода, изменение социальных ориентиров в сторону более включенного, гибкого и нацеленного на обучение управления и усиление роли переговоров во внутри- и межорганизационных отношениях, увеличение доли услуг в общем объеме производства¹⁸. Естественно, что все эти процессы задействуют так или иначе коммуникативные технологии. Для анализа влияния коммуникационных технологий на организацию некоторые авторы¹⁹ выделяют две группы параметров: внутриорганизационные и внешние. К внутриорганизационным параметрам относятся: система властных полномочий и принятия решений, вертикаль-

¹⁸ но О.С. Новые технологии коммуникации и организация // Социологические исследования. 2001. № 3.

¹⁹ Fulk J., DeSanctis G. Electronic Communication and Changing Organizational Forms // Organization Science, 1995, Vol. 6, № 4.

ный контроль, координация по горизонтали, размер организации, новые типы связей, базовый продукт, организационная культура.

Исследователями были предприняты попытки определить базовые параметры различных типов организационных коммуникаций и соединить эти параметры в одной типологии с типом культуры. Наиболее удобна в применении, по мнению автора, типология организационных коммуникаций, предложенная датским исследователем Г. Хофстедом.²⁰ Автор в настоящем параграфе предпринимает попытку развить идеи Хофстеда далее, выделив пять главных индексов, характеризующих тип коммуникативных связей в организации.

В параграфе 2.3. «Коммуникативные процессы в институциональной структуре общества» автор анализирует процесс коммуникации как пронизывающий все общество единый процесс информационного обмена. Межуровневая коммуникация, как показывает автор, имеет принципиальное значение для иерархически структурированных систем, таких как общество, хотя основная доля коммуникативных процессов осуществляется на одном и том же уровне. При рассмотрении коммуникации на социальном уровне наиболее продуктивным автору представляются системный подход и соответствующая методология. В этой связи он задается вопросом, посредством каких механизмов ценности и культурные символы, реализуемые в коммуникации, через действия индивидов оказывают влияние на устойчивые структуры общества? Эти три главные системы, единые для любой группы или общества, таковы: система идей (символов, кодов культуры), социальная система действий, материальная система физических артефактов. В эмпирической реальности, разумеется, идеи, действия и артефакты тесно переплетены, так что порой чрезвычайно трудно отделить идейные, поведенческие и материальные аспекты друг от друга. Например, культурная система идей опредмечивается через социальную систему действия, а также материальную систему физических артефактов.

Как показывает автор, переход от содержания культуры к социальному действию лежит через коммуникативные по своей сути акты раскодирования культурных символов. Согласно представлениям постструктурализма, символический (культурный) капитал — это прежде всего коды деятельности, обладающие различным потенциалом, находящиеся в сложных взаимоотношениях и образующие динамичные конфигурации²¹. На подобную специфику культурных объектов обраща-

²⁰ Hofstede G. *Cultures and Organizations: Software of the Mind*. London: McGraw-Hill. 1991.

²¹ Бурдые П. Начала. Chases d'ites. С. 123-128, 217.

ет внимание и Э.Гидденс²². Симптоматично, что к данным аспектам процесса символизации проявляют интерес многие исследователи социокультурных коммуникаций второй половины XX столетия. В частности, М.Фуко отмечает, что культурные коды управляют культурными артефактами, обеспечивая социальный порядок в процессе сложной динамики официальных и практических регуляторов повседневного поведения²³. О важности исследования культурных кодов, воплощающихся в системах поведения и ценностей (системы табу, иерархий, типологий семиотических сообщений и т.п.), размышлял У.Эко²⁴. Развернутое обоснование роли «медийных», «генерализирующих» кодов как символических средств селекции (обобщения смысловых ориентации) партнеров, «превращающих их действия в решения», представлено в работах Н.Лумана²⁵.

Социальный символизм, как показывает автор, представляет собой отражение в сознании людей семиотической функции, которую приобретает в той или иной культуре определенное действие, факт, событие, поступок, тот или иной элемент предметного мира. Все эти явления наделяются определенным символическим смыслом, характерным и единым для всего данного социума или отдельной социальной группы. Социальный символизм является компонентом национальной культуры. Как показывает автор, он зачастую не замечается членами социума, хотя довольно строго соблюдается, то есть используется, интерпретируется в межличностных отношениях²⁶. Символический смысл того или иного явления может быть совершенно не воспринят в другой культуре, не понят, а может и получить там самую неожиданную интерпретацию, что может привести инокультурного человека к прямому конфликту с представителями «домашней» культуры. Информация социальных символов включается в невербальную информацию, получаемую и используемую коммуникантами в процессе общения. Коммуникативные отношения связывают институциональные подсистемы общества друг с другом в нескончаемой цепи взаимодействия. Во всех обществах эти отношения устанавливаются, поддерживаются, распространяются средствами межличностной непосредственной коммуникации.

²² Giddens A. Structuralism, Post-Structuralism and the Production of Culture. — Giddens A., Turner H. (eds.) *Social Theory Today*. Stanford. 1987. P. 215-217.

²¹ Фуко М. Слова и вещи. СПб., 1994. С. 33-35.

²⁴ Эко У. Отсутствующая структура. СПб., 1998. С. 405-410.

²⁵ Луман Н. Власть. М., 2001. С. 52-54.

⁶ Стернин И.А. Понятие коммуникативного поведения и проблемы его исследования// Русское и финское коммуникативное поведение. Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. С. 4-20.

По мере того как коммуникативные отношения продолжаются, продолжается и нескончаемый процесс дифференциации социальных институтов. Однако все институты сохраняют в себе ту или иную часть общей социальной культуры, воплощенной внутри их подструктур, постоянно восстанавливая баланс своего специфического типа культуры. В этом постоянном процессе, связывающем макро- и микроуровни посредством мезоуровня, социальная культура трансформируется в индивидуально усваиваемую культуру. Дальнейшее исследование коммуникации, как показывает автор, требует перехода от институциональной структуры к социальному действию. Когда структуры вступают во взаимодействие в социальных процессах, остается некоторое пространство для индивидуального выбора, в пределах которого формируются индивидуальные действия и модели поведения (включая более или менее сознательные и более или менее организованные попытки изменить социетальные и социальные структуры). Индивидуальный выбор, разумеется, бесполезен без индивидуальной способности реализовать свой сознательный выбор в каком-либо акте. Таким образом, автор приходит к выделению трех типов действия по зафиксированному в культуре образцу:

- формы жизни — паттерны действий, в первую очередь детерминированные социальной структурой;
- образ жизни — паттерны действий, в первую очередь детерминированные позицией в социальной структуре;
- жизненные стили — паттерны действий, в первую очередь детерминированные индивидуальным действием.

Единство многообразных форм и уровней социальной коммуникации, как показывает автор, обусловлено универсальным культурно-символическим характером коммуникативного процесса. С этой точки зрения логика развития коммуникации ведет к усложнению ее символического тела и нарастанию удельного веса коммуникативно-символических форм и способов социального воспроизводства по отношению к традиционным институциональным. Если традиционное понимание социальной реальности сводилось преимущественно к институциональной структуре общества, то современное общество все более становится виртуальным, и реальность символа в нем вытесняет реальность вещи.

В главе третьей «Массовая коммуникация и реалии современного общества» исследуются специфические характеристики коммуникативных процессов современности. Одной из характерных черт, присущих современному обществу и определяющих в значительной мере его облик, является его пронизанность каналами массовой информации, что обеспечивает открытость и гласность социальных и политических

процессов. Средства массовой информации в этом смысле достаточно давно функционируют как специфический социальный институт открытого общества, участвующий в реализации социального контроля. Тотальность влияния масс-медиа на сознание обуславливает значимость исследования социальных эффектов их воздействия. В то же время, подчёркивает автор, все большее внимание привлекает содержательная сторона медийных нарративов. Становится очевидным, что приобретение массовой коммуникацией индустриальных характеристик и развитие медиатехнологий способствует росту манипулятивных возможностей СМИ, так что в конечном счете мировоззрение масс оказывается адекватным не актуальной действительности социальной жизни, а коммуникативной реальности, конституируемой деятельностью медиа. Происходящие в современном обществе процессы, связанные с развитием массовой коммуникации, нуждаются не только в социологическом, но и в социально-философском исследовании, поскольку затрагивают такие традиционно философские проблемы, как автономность индивидуального сознания, природа и специфика мифа и т.д. Наиболее значимой из таких проблем, как представляется автору, является проблема статуса реальности, творимой современными масс-медиа, а также компьютерными технологиями и в особенности Интернетом. Эта проблема составляет смысловой центр рефлексии постмодернистских философов и связана с самой сущностью трансформаций, происходящих в современном обществе и его культуре.

В параграфе 3.1. «Средства массовой коммуникации: эффекты социального воздействия» автор ставит перед собой задачу рассмотреть механизмы и результаты воздействия, оказываемого средствами массовой коммуникации на общество и различные социальные группы. Очевидным является тот факт, что между типом коммуникации и обществом, в котором осуществляются коммуникативные взаимодействия, с необходимостью имеется взаимное соответствие. Любая конкретная технология коммуникации предполагает соответствующий тип общества, а последний требует «своего» типа коммуникации. Массовая коммуникация, как показывает автор, появляется в то время, когда имеются общество индустриального типа, внешне сбалансированное, но на деле насыщенное различиями и контрастами; каналы коммуникации, обеспечивающее ее получение не определенными группами, но неопределенным кругом адресатов, занимающих разное общественное положение; группы производителей, вырабатывающих и выпускающих сообщения промышленным способом. Со времени решающего прорыва масс-медиа в конце XIX века их значение как агентов социализации по-

стоянно растет. Автор подчеркивает, что как агенты социализации современные масс-медиа во многих отношениях уникальны: они воздействуют в течение нескольких часов ежедневно на всех людей в данном обществе, предлагая бесконечные потоки развлечений и информации, вводя программы политических, экономических и культурных дискуссий; обеспечивают формальную, ориентированную на образование социализацию; помогают сохранять существующие структуры власти и подготавливают в то же время почву для необходимых социальных изменений. Выработанный в ходе коммуникации и кодифицированный информационно-культурный капитал составляет важнейший ресурс обеспечения социального порядка. Взаимодействие информационно-культурного пространства с индивидами характеризуется прежде всего значимой ролью, которую начинают играть информационные практики при усложнении социальных связей. По мере нарастания дифференциации социального мира увеличивается значимость информационных практик в производстве и внушении смыслов. Механизм информационного воздействия масс-медиа, отмечает автор, описывается немецким понятием *öffentlichkeit*—«публичность», впервые предложенным Ю. Хабермасом. Публичность строится на общем социетальном знании и неизбежно определяется общими институциональными структурами общества. Меняется она очень медленно, десятилетиями и столетиями, хотя в революционные эпохи подвергается, естественно, быстрым и резким переменам. Общий контур и содержание публичности в каждый конкретный момент времени тесно связаны с культурной атмосферой в обществе. Очевидно, что в обществе, четко обозначающем приоритет ценностей свободы над ценностями равенства, качество и характер публичности будет решительно отличаться от характера публичности общества, ставящего равенство выше свободы. В весьма дифференцированном демократическом обществе существует плюрализм публичностей.

Переходя к анализу собственно деятельности масс-медиа в социальном пространстве современного общества, автор обращает внимание на проблему возникающей в нем информационной избыточности. Смысловая редукция и в целом смысловое «процеживание» информационных потоков является закономерностью повседневной практики масс-медиа. Необходимо отметить, что деятельность масс-медиа и содержание его нарративов имеют тенденцию к структурированию и стратификации, прямо или косвенно отражающим общие социальные стратификации. Автор подчеркивает, что обилие и разнообразный характер информации, свободно циркулирующей по коммуникационным каналам современного общества, являются одновременно и позитив-

ным, и негативным фактором. В результате возникает полисемантическая асимметрия, что сказывается на состоянии социальной интеграции. Распад целостности приводит к ослаблению устойчивых коммуникативных связей, к перебоям в функционировании текстовых институтов. Устойчивые текстовые структуры приходят в движение, образуются новые связи, новые сферы коммуникации. Смысловая избыточность как естественное и необходимое следствие коммуникации множится и становится чрезмерной. Чрезмерная смысловая избыточность, в основе которой лежит расширенное текстовое производство, размывает правила создания и функционирования смыслов. В результате текстовая (семиотическая) деятельность распадается на множество «семиотических игр» с множеством изменчивых правил.

Далее автор обращается к анализу результатов эмпирических исследований воздействия масс-медиа на реципиентов, показывая, что потребление предоставляемой ими информации способствует закреплению и дальнейшей трансляции социальных и гендерных стереотипов.

Исследования показывают, что индивидуальное пользование различными формами масс-медиа создает довольно сложный контур, частично стабильный в течение долгого времени, частично меняющийся по мере изменений структуры медиа в обществе, и в соответствии с тем, каким образом пользователи масс-медиа проходят через разные периоды жизни. В то же время, как показывает автор, многие темы медийных программ не имеют собственного смыслового содержания и внедряются манипулятивным путем. Они искусственно вводятся и навязываются людям средствами масс-медиа. Все это дезориентирует социокоммуникативную систему, загрязняет ее, нарушает естественный коммуникационный обмен между обществом и окружающей средой. В итоге общество утрачивает способность самоконтроля. Вместе с тем социальная коммуникация теряет целостность. У нее нет единой смысловой основы. Она распадается на множество слабо связанных тем. Смысловые границы социума размываются, возникает угроза коммуникационной энтропии. Она проявляется как кризис идентичности человека. В этом смысле автор солидаризируется с Ж. Бодрийяром в том, что современный мир образов представляет собою гиперреальность, господствующую над человеческим сознанием. Подчинение человека этой гиперреальности можно рассматривать как последнюю стадию отчуждения. Он может встретиться с самим собой и с другими только в этом искусственном образе.

Параграф 3.2. «Нарративы масс-медиа: коммуникативный аналог мифа» посвящен исследованию социокультурных функций ме-

дийных нарративов. В этом отношении необходимо проводить дистинкцию между теориями, сформировавшимися в парадигмах модерна и постмодерна. Напомним, что для парадигмы модерна существует разделение на аутентичную «реальность» и ее более или менее искаженный образ, творимый масс—медиа. Видеокамера кодирует реальность, что придает ей смысл, который является идеологическим. Таким образом, представляемое в масс-медиа понимается как идеология, а не как реальность²⁷. Постмодернистские философы уходят от проблем искажения/представления как незначимых. Автор подчеркивает, что одной из наиболее острых проблем, порождаемых коммуникативной реальностью масс-медиа, является «фрагментация» сознания реципиента в силу действия феномена «клиповости» сообщений и образов, их смысловой несвязанности. В сознании происходит конфликтная сшибка соседних фрагментов текста, различных компонентов текста (речь, видеоряд, аудиосопровождение, цветовые и темпо-ритмовые качества фрагментов). Такая же сшибка нередко возникает и между «информационным текстом», предъявленным СМИ, и тем бытийным, жизненным контекстом, в который человек погружен в своей повседневной деятельности. Возникающий поток конфликтных образных фрагментов — просто не может укладываться в сознании, а тем более выстраиваться в нечто целостное — смысловое, мировоззренческое, мотивационное. Ортега-И-Гассет когда-то обозначил этот феномен термином «мозаичная культура», а другие культурологи называли то же самое явление «распадом единства жизни».

Оставаясь в рамках парадигмы модерна, исследователи масс-медийной коммуникации приходят к необходимости выяснения соотношения реальности и мифа. Миф несет в себе основополагающие свойства культуры, характеристики дискурса, а именно воплощает подсознательное стремление человека обобщить свои представления об окружающем мире, сделать его управляемым, разумным и членимым. Краеугольный момент здесь — построение внешне логичной системы представлений на интуитивном основании, составляющем основу бытового мировоззрения, как оно проявляется в коммуникации. В этой символической системе представлений факты, принадлежащие аутентичной, первичной реальности, заменяются символами, которые затем подвергаются переопределению через другие символы. В итоге возникает параллельный символический мир, мир коммуникативной реальности, мир мифа. Автор подчеркивает, что создаваемая в ходе массовой коммуникации нарративная реальность

²⁷ См.: Fiske J. Television and Postmodernism, in Curran, J. and Gurevitch, M. (eds) Mass Media and Society. London: Edward Arnold, 1991.

имеет мифологическую природу, не в том смысле, что она иррациональна или в принципе ложна, но в том, что ее характер, ее сущность являются символически-креативными. Стремление человека в мир коммуникативных символов, который понимается как более рациональный, упорядоченный, чем аутентичная реальность жизни, базируется на особенностях когнитивного устройства психики человека. Практически все современные психолингвистические школы, как показывает автор, в той или иной мере прибегают к метафоре схемы, фрейма, структуры и т. п., при помощи которых человек ориентируется в окружающем мире. Говоря формально, структура, которая не подвергается рациональному, логическому осознанию и осмыслению и разделяется большим количеством участников дискурса, может быть определена как миф. Таким образом, миф представляет собой символическую схематизацию, позволяющую создать упрощенную поляризованную схему всех возможных в мире ситуаций. Благодаря подобной схеме мир оказывается понятным и структурированным, интерпретированным идеальностью ориентированным вокруг человека. Наибольшая мифологическая напряженность наблюдается вокруг слов, выражающих центральные для данной политической концепции ценностные понятия. Возможность выражать мысль с помощью различных словосочетаний позволяет одному человеку воздействовать на восприятие окружающей действительности другим человеком. Словарный состав, а именно его свойство классифицироваться по эмоциональной окраске единиц, дает богатые возможности для ненавязчивой поляризации отношения аудитории к излагаемому материалу, что способно привести к непредсказуемо нелогичной интерпретации сообщения. Автор пользуется введенным В.З. Коганом понятием инфологемы — своего рода коммуникативного мифа. Инфологемы формируют устойчивые стереотипы индивидуального и социального поведения и способны дезориентировать целые поколения. Как и любые виртуальные мифы (идеологические, политические, социальные), инфологемы активны и агрессивны. Они энергично вытесняют достоверную информацию, оставаясь правдоподобными, но ложными по существу. Именно поэтому сплетни и слухи в области политики успешно формируют стандарты неадекватного поведения людей, помогают отвлечься от неприятной социальной реальности, снять фрустрацию и обеспечить некую видимость психологического комфорта²⁸.

Массовая коммуникация, затрагивая личность реципиента как целостность, проникает и на подсудные уровни его психики. Использо-

²⁸ Коган В.З. Качество информации и мир инфологем (фрагменты теории). — Проблемы информационного взаимодействия. Новосибирск, 1993. С. 10-39.

вание проявлений бессознательного в технологиях массовой коммуникации связано, полагает автор, с действием механизма проекций, описанного З.Фрейдом. Коммуникация как бессознательное проецирование имеет полуэксплицитный статус, так как за внешней стороной информации скрываются глубинные образы архетипической, мифологической природы. Использование содержания бессознательного заключается в трансляции мифологем, составляющих скрытый план коммуникации, на котором задействуется 'архетипическое', представляющее собой трансперсональные доминанты, которые предшествовали структурам психики²⁹. Речь идет об активизации через образы СМИ архетипических образов, сокрытых в глубинах подсознательного.

Как показывает автор, масс-медиа радикально изменили количество, состав и структуру взаимодействия между горизонтами символического мира человека. Одним из наиболее значимых с точки зрения социальной практики является манипулятивный аспект функционирования масс-медиа.

В параграфе 3.3. «Манипулятивные возможности СМИ и масс-медийный кризис культуры» автор останавливается на детальном исследовании этого аспекта. В современном мире теория и практика социально-политического и культурного манипулирования получили достаточно глубокую научную разработку и практическое применение. Задачей параграфа является исследование коммуникативного аспекта манипулирования. Манипулятивными коммуникациями автор называет тип коммуникации, при котором главное намерение коммуникатора заключается в достижении одностороннего выигрыша путем целенаправленного и скрытого внедрения в сознание реципиента своих установок, целей и программы действий. Конечной целью подобных актов коммуникации является контроль над получателем, а основным условием успеха — маскировка истинных намерений коммуникатора и широкое использование различных психологических эффектов внушения. Общая технология глобального, общегосударственного манипулирования обычно основывается на попытке влиять на человека по каналам, которые менее всего контролируются сознанием, и таким образом внедрять в массовое сознание социально-политические мифы — иллюзорные идеи, утверждающие определенные ценности и нормы и воспринимаемые преимущественно на веру, без рационального, критического осмысления. В большинстве манипулятивных методов, показывает автор, основную роль играет не "убеждение" в риторическом смысле, а использование различ-

²⁹ Пойман Э. Происхождение и развитие психики. М., 1998. С. 14.

ных эффектов восприятия, спроса на информацию, психологических установок и других факторов, которые позволяют коммуникатору добиваться своих целей без компромиссов и дискуссий. Несмотря на то, что "убеждающие" или "линейные" схемы процесса коммуникации, далеко не всегда эффективны, многие методы "убеждающих" коммуникаций, имеющих манипулятивную природу, активно практикуются в наши дни. На основании многочисленных экспериментов выяснилось, что стереотипы и автоматические структуры сознания играют чрезвычайно важную роль в процессе получения, восприятия и преобразования информации. Французский социальный психолог С. Московичи для объяснения этого процесса вводит понятие "информационной матрицы", адаптирующей события и явления социальной жизни к уже сформировавшимся представлениям. С одной стороны, информационная матрица является образом объекта, который не отвергает сам объект, с другой стороны — она наделяется смыслом воспринимающего и придает объекту ту трактовку, которая соответствует существующим представлениям. Формирование образа представления, или матрицы, энергетически мобилизует поведение, поскольку происходит переход познавательного плана в эмоциональный, что рождает чувство убежденности. Переход в эмоциональный план, рождая убежденность, делает ненужным дальнейшее критическое изучение объекта. Помимо перечисленных психологических методов манипулятивного воздействия существуют традиционные лингвистические приемы — риторические фигуры, тропы, софизмы, лингвистические ловушки и уловки. На основе направленного использования этих приемов с манипулятивными целями формируются симулякры — культурные знаки, не имеющие реального референта. По мере того, как знаки, отсылающие к реальной действительности, заменяются симулякрами, отсылающими к самим себе или другим симулякрам, реципиенты все больше оказываются опутанными сетью коммуникации, которая закрывает им доступ к реальности, находящейся вне этой сети³⁰. Таким образом, «масс-медийный кризис культуры» фиксирует резкое увеличение скорости разрушения старых ценностей, сжатие временных рамок этого процесса, что не позволяет новым культурным символам и знакам адаптироваться к традиционной системе ценностей. Символы и образы старой культуры исчезают или меняют свой смысл и значение. А новые ценности настолько расходятся с традиционными, что их культуuroобразующий смысл остается не всегда ясным и открытым. Людям уже некогда «впитывать» новые ценности, постоянно соотнося их с предшествую-

³⁰ Baudrillard J. Simulations. N.Y., 1983; Бодрияр Ж. Система вещей. М., 1995.

щими, и они начинают их потреблять. В новых условиях область смыслового пересечения культур возрастает за счет появления общего для всех культур коммуникационного смыслового поля. Как отмечает автор, это с одной стороны создает предпосылки для стирания различий между культурами и их подчинения некой искусственной суперкультуре (например, компьютерной культуре с фактически единым языком), а с другой стороны, для растворения менее развитых (в научно-техническом плане) культур в семиотическом пространстве более развитых. В таком коммуникационном поле будут господствовать общие стереотипы, общие оценки, общие параметры требуемого поведения, то есть наиболее простые и доступные компоненты. Безусловно, это сопряжено с массой удобств, но одновременно может лишить диалог между культурами всякого смысла. Данные реальные тенденции действительно могут быть обозначены как «масс-медийный кризис культуры». Однако, с другой стороны, общее коммуникативное пространство может стать предпосылкой такого взаимообогащения культур, которое раньше было просто неосуществимо. Диалог между культурами начинает осуществляться в иных коммуникативно-семантических условиях, чем это происходило при контакте локально-стационарных культур. Вместо прямого пересечения как условия диалога между культурами и создания особого межкультурного поля общения оно осуществляется посредством нового образования, которое автор обозначает как глобальное коммуникативное поле. Пересечение отдельных культур осуществляется уже внутри этого нового коммуникативного поля, на основе использования дополнительных возможностей и интегративных механизмов. Это при определенных условиях может стать фактором перехода человечества к единой общечеловеческой культуре, что будет связано с определенным изменением части системы общечеловеческих ценностей.

Поднятая в настоящей главе проблема существования искусственной коммуникативной реальности, творимой масс-медиа, в последние десятилетия приобрела новое, очень важное измерение. Благодаря компьютерной революции виртуальная реальность коммуникации стала неизмеримо доступнее, массовиднее и значительно более интерактивной по своему характеру.

В главе четвертой «Коммуникативное пространство современного общества: открытие виртуального измерения» ставится цель подвергнуть анализу трансформации культурно-коммуникативной сферы и социальной реальности в целом, вызванные развитием компьютерных технологий и сети Интернет. Современное общество достигло такого состояния коммуникативных связей и отношений, что коренным об-

разом отличается от собственных предшествующих состояний. Его с полным основанием называют коммуникативным обществом, и этот термин позволяет высветить тот факт, что развитие коммуникаций составляет качественное своеобразие современности. В самом деле, благодаря компьютерной революции, возникновению охватывающих весь мир информационных сетей и максимальному сжатию пространства и времени в процессе прохождения информации мир оказался буквально слитым воедино. Возникли новые, немыслимые прежде возможности межличностного общения, информационного воздействия на массы, междисциплинарного обмена культурными ценностями. Глубокие изменения происходят и в сфере дискурса межличностного общения, его интенсивности и качества. Уход в виртуальные сетевые пространства имеет важные социально-психологические последствия, которые еще подлежат исследованию. Чрезмерная информатизация общества, в свою очередь, наделяет современное коммуникативное пространство характеристиками гипертекстуальности, усложняет для индивида задачу самоидентификации и ориентации в мире, перенасыщенном смыслами.

Существование человека одновременно в реальности социальной повседневности и в виртуальной реальности сетевых коммуникаций составляет наиболее сложную философскую проблему современного мира. Необходимо осмысление статуса виртуальной реальности, природы и направленности ее влияния на человеческую личность, сущности компьютерной зависимости. В то же время нельзя забывать о том, что виртуальные связи и отношения меняют само общество и знаменуют собой новое состояние социальной реальности, которое философы постмодерна трактуют как распад последней.

В настоящей главе автор ставит перед собой задачу рассмотрения трансформаций социального бытия, связанных с виртуализацией коммуникативных отношений, оценки соотношения виртуальной реальности и реальности социальной, исследования связей и взаимозависимостей, существующих между развитием новых форм коммуникации и глобализационными процессами, а также социально-психологических последствий компьютерной революции.

Параграф 4.1. «Новые информационно-коммуникационные технологии как фактор изменения форм социального бытия» посвящен анализу воздействия информационной революции на социальность как таковую. Значение, которое приобрел Интернет в информационной деятельности человечества на рубеже третьего тысячелетия, диктует необходимость его рассмотрения в качестве философского факта. Изменения коммуникаций (языков, способов создания и трансляции знаков и

символов, средств передвижения), как подчеркивает автор, меняют мир, перенормируют его целостность.

Значительно снизив стоимость производства, распространения и потребления информации как продукта, Интернет радикально изменил коммуникационный ландшафт. Интернет представляет собой качественное изменение коммуникации и в целом социального бытия человечества, беспрецедентное расширение коммуникативных возможностей. Оно приводит к нарастанию «плотности» межличностных и межгрупповых коммуникаций, но, что еще более важно, создает возможность изменения направлений потока этих коммуникаций, и способно тем самым реально трансформировать социальную структуру общества. Подтверждением этого тезиса является плодотворность подходов современной социологической теории, развитой Н. Луманом и рассматривающей общество как структуру, воспроизводящую себя через непрерывно возобновляемые коммуникации³¹. Социальная технология формирования сетевых организаций позволяет увеличить социальный капитал общества через механизм расширенного «производства доверия». Это достижение доверия обеспечивается за счет развития и укрепления сети неформальных контактов в максимально широких профессиональных, образовательных и культурных слоях общества. Накладываясь на новые технологические возможности, Интернет облегчает формирование новых коммуникационных связей. Это позволяет существенно повысить эффективность механизмов общественной самоорганизации, ускорить формирование и развитие гражданского общества. Можно говорить о потребности в социальном конструировании различных институционализированных форм сетевой организации, в наибольшей степени сочетающих простоту вхождения в коммуникации, свойственную интернет-технологиям, с механизмами обеспечения реализации формальных и неформальных правил сети.

Автор отмечает следующие принципиальные особенности, отличающие сетевое социальное пространство от реального. Прежде всего, как ему представляется, различие кроется в статусе актора. Если социальная реальность всегда стратифицирована в имущественном и статусном отношении, и актор четко вписан в социальное пространство посредством своего статуса, легко определяемого и читаемого для окружающих. В Интернете же социальные позиции маркированы слабее, статусные различия относительно нивелируются. Определить позицию актора труднее, чем в реальности, а бывает, что и невозможно. Маркеры

³¹ Луман Н. Невероятность коммуникации (http://www.clanrussia.spb.ru:8101/publications/pts/luman_c.html).

позиций в Интернете все же существуют, однако выражение стратификации в Сети гораздо менее ощутимо, чем в реальности.

Кроме того, в социологической традиции теоретизирования территорияльность является фундаментальной характеристикой человеческого поведения. Именно через территорияльность и основанное на ней понятие «опорного пункта» (*bases of operations*) Т. Парсонс задавал понимание сообщества. По его словам, именно «требование "опорного пункта" действия лежит в основании той группировки, которую мы называем "сообществом" (*community*)». Сообщество — это коллектив, члены которого имеют общую территорияльную область в качестве опорного пункта действия»³². Изменение представления о сообществе, лежащее в основе такого выражения как «виртуальное сообщество», основано на утрате фундаментального значения территорияльности, которая прежде была важнейшей характеристикой человеческого поведения.

В-третьих, появились новые сообщества, в основе которых лежит зависимость от средств общения, от новых информационных технологий и которые исследователи выделяют в качественно отличную от других сообществ группу — виртуальные сообщества.

Все это проявление более фундаментального влияния Интернета на сферу воображаемого, а именно ослабление значимости пространства и времени для получения знания, распространения информации и общения. Снижению значимости или влиятельности этих важнейших измерений любых социальных представлений и актов сопутствуют, с одной стороны, изменение социального коммуникативного ландшафта, с другой — нарастание скорости протекания социальных процессов. Эти перемены создают новые социальные пространства, новые пространства социального взаимодействия и определяют динамику существования в этих пространствах. Виртуальное сообщество, как показывает автор, с одной стороны, оживляет горизонтальные социальные связи и простое, нерациональное общение ради общения, а с другой — поднимает эти связи на глобальный, не зависящий от конкретной территории уровень.

Подводя итоги сказанному, автор подчеркивает, что научное и особенно философское и социально-философское познание последствий коммуникативной революции, современниками которой мы являемся, находится еще в стадии становления. Вопрос об онтологическом статусе виртуальной реальности, будучи одним из сложнейших философских вопросов, которые поставила современность, получил несколько гипотез

³² *Parsons T. The Social System. New York: Free Press; London: Collier-Macmillan, 1964. P. 91.*

тетических вариантов ответов, из которых ни один не может быть признан окончательным. Тем более сложно понять, каково в действительности соотношение между виртуальной реальностью компьютерной коммуникации и социальной реальностью человеческой повседневной жизни, которую с реалистической точки зрения следует считать единственной и аутентичной.

Рассмотрению этой проблемы посвящен **параграф 4.2. «Реальность виртуальная и реальность социальная: проблема соотношения».**

Как показывает автор, виртуальную реальность можно понимать как созданный и воспроизводимый с помощью компьютерных сетей континуум, который воссоздает содержание и конститутивные механизмы индивидуального и коллективного сознания человека, опредмечивая целостный опыт человечества и его культуры, непрерывно обновляя и идеируя мир. Следовательно, проблема распространения виртуальных технологий выходит за рамки специальных наук и требует философского обобщения. Масштаб проявления феномена виртуальности в социальной и индивидуальной жизни позволяет говорить о «виртуализации» общества и побуждает, как подчеркивает автор, к разработке нового, обогащенного понимания социальной реальности в ее отношении к реальности виртуальной. По мнению автора, в целом определение социальных феноменов с помощью понятия «виртуальность» уместно тогда, когда конкуренция имиджей замещает конкуренцию институционально определенных действий — экономических, политических или иных. Общее представление о феномене замещения реальности образами позволяет сформировать на его основе целостный социально-философский подход: виртуализация социальной реальности, утверждает автор, представляет собой закономерный этап исторического развития социальности, связанный с усложнением и глобализацией коммуникативных связей и отношений. Главной характеристикой этого этапа можно считать переход к доминированию культурно-символических, не привязанных непосредственно к материально-физической стороне существования, форм и способов поддержания и воспроизводства социальности. Компьютерная революция выступает материально-техническим основанием собственно социальных изменений общества, переходящего за грань модерна и испытывающего кризис распада социальной реальности в традиционном понимании, о котором говорит Бодрийяр. В виртуальной реальности любого рода человек имеет дело не с подлинным предметом, а с симуляцией. По мнению автора, виртуальность является феноменом, имманентным самой струк-

туре бытия, воплощающим возможность творческой, генерирующей деятельности. Во многом это связано с тем, что виртуальная реальность строится по принципу «обратной связи», что позволяет осуществить максимальное вхождение человека в информационное пространство. Причиной виртуализации постмодерного общества является объективная потребность в переходе информационно-коммуникационных технологий на новый качественный уровень, а также имманентная человеку потребность в творчестве, в создании новой реальности, таких миров, по отношению к которым он являлся бы демиургом. Как замечает автор, одной из основных трудностей для социально-философской и социологической интерпретации приложения новых информационных технологий является социодинамика их воздействия на институциональную, коммуникативную и организационную структуры современных обществ, изменения в характере социальных отношений, ролей и статусов, которые они вызывают. Показателями конституирования информационного компонента социальных отношений могут являться количественные параметры, выражающие степень участия сетевых информационных систем в разных формах жизнедеятельности, а также индикаторы уровня освоения дигитальной культуры и интернализации ее познавательных, поведенческих и инструментальных компонентов. Информационная структура может координироваться разным способом с наличными социальными структурами и различным типом взаимодействия и с разной степенью интенсивности вписываться в любые модели коммуникативного действия, экспонируя координацию между установленными стереотипами создания континуума массмедийного влияния и его перерастания в киберпространство, сформированное сетевыми информационными системами и глобальной сетью Интернет.

Самым главным признаком наличия информационного общества и дигитальной культуры является формирование соответствующих ценностей и ценностных ориентации, которые могли бы характеризовать разное качество социальной интеграции. Естественно, самая серьезная проблема, на которую наталкивается анализ ценностной системы и ценностных ориентации, является необходимость идентифицировать ценности с точки зрения их природы и определить их "коммуникативно-информационный компонент". Проще говоря, констатировать изменения в ценностных ориентациях социальных субъектов, обусловленные социальными коммуникациями "в сети", опосредствованными информационными технологиями формами жизнедеятельности, и проистекающие из их усвоения символически-интеракционные модели. По мнению ав-

тора, исследование социальных аспектов функционирования Интернета может опираться на концепцию гипертекста". Гипертекст как новая текстуальная парадигма может рассматриваться как способ коммуникации в обществе, ориентированном на множественные, одновременные потоки информации, которые не могут быть восприняты и усвоены субъектом. Усвоение всей суммы знаний становится невозможным, более того, жесткое структурирование такого знания становится труднодостижимой задачей. Знание организуется в гипертекст, в сеть относительно свободных сообщений, которые могут объединяться и распадаться в процессе производства и потребления знания. В условиях множественных и дополнительных друг другу форм знания субъект нуждается во вспомогательных средствах редукции чрезмерной смысловой избыточности. Именно поэтому гипертекст как способ коммуникации и организации знания включает в себя само знание (текст), компьютер и программное обеспечение. Это значительно усложняет описание гипертекста, он ускользает и не поддается определению. Пользователь Интернета, следовательно, живет и коммуницирует в условиях включенности в пространство гипертекста. Таким образом, вхождение человека в виртуальную реальность приводит к своего рода удвоению его жизненного пространства и обуславливает ту или иную степень трансформации личности.

В следующем **параграфе 4.3. «Общество и личность в перспективе развития глобальных коммуникативных процессов»** автору представляется необходимым обратиться к проблеме социальных и личностных эффектов виртуальной коммуникации в динамическом аспекте, с точки зрения широких исторических перспектив. Глобальная экономика принесла с собой новую — сетевую — организацию социального пространства и времени, как для мира в целом, так и для России в частности. По мнению американского социолога М. Кастельса³⁴, пространство сетевого общества не географично, а определяется уровнем интеграции в глобальные или локальные сети и местом в производственной цепочке. Огромные территории, «отсоединенные» от глобальной

³³ Гипертекст представляется как основная форма «организации» в Интернет, он описывается как децентрирование (lang>i> G.P. Hypertext 2.0: The convergence of contemporary critical theory and technology. Baltimore and London: The John Hopkins University Press, 1997. P. 36–38], как подобие «ризомы» Делеза [там же, P. 38–42], как «революция» в исследованиях [Landow CP., Delany P. Hypertext, hypermedia and literary studies: The state of the art // Hypermedia and literary studies/ Ed. by G.P. Landow, P. Delany. Cambridge, Massachusetts and London: The MIT Press, 1995. P. 6], как нечто, дающее неограниченную власть манипулировать символами, текстами образами.

³⁴ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. С. 353.

экономики, теряют для нее какую-либо значимость. При этом процессу глобализации подвержены все традиционные институты, разрушение которых происходит на всех уровнях общества, вплоть до его фундамента — семьи. Культурная составляющая глобализации — это процесс быстрого и агрессивного вбрасывания западных норм, стандартов и ценностей в сферу духовной жизни, формирования иллюзий, символов и мифов массового общества. Глобализация культуры проявляется как тенденция диффузии культурных образцов западной цивилизации во всемирном масштабе. В этом случае само культурное пространство превращается в арену противоборства различных групп интересов за влияние на коллективное и индивидуальное сознание путем рассредоточения каналов и субъектов воздействия. Основным проявлением культурной глобализации становится субъективизация общественных отношений и поиск человеком и сообществами своей культурной идентичности перед лицом нового миропорядка.

Тенденции глобализации и информатизации современного мира, подчеркивает автор, отражают его единство и возросшую роль информационной сферы как системного фактора культурной жизни, активно влияющего на состояние экономической, политической и духовной сфер. Глобальный мир все больше становится виртуальным миром, который пытается вытеснить реальный мир с помощью фикций консьюмеристской культуры. Глобализация усиливает мировое неравенство, а информатизация ведет к технологической зависимости менее развитых в технико-экономическом отношении стран от тех, кто владеет новейшими информационными технологиями.

В эпоху Интернета личность приобретает новые измерения, манифестирующиеся в видоизмененных формах. Компьютерные технологии дают возможность компенсировать недостаток вербальной информации с помощью мультимедийных средств. Происходит развитие новой идентичности — «визуальной» в противовес «вербальной». Если при изобретении письма и печатного станка произошел переход от «устного» к «грамотному» сознанию, сейчас наблюдается обратный процесс, сказывающийся на личности. Существенное снижение способности вербального выражения и восприятия сказывается в учебном процессе, а также в общении поколений. Можно предположить, что у компьютерного поколения происходит возврат к детскому дискурсу (в частности, описанному К.Ф. Седовым³⁵), построенному главным образом

³⁵ Седов К. Ф. Коммуникативные стратегии дискурсивного поведения в становлении языковой личности // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты. Волгоград, 1998.

на основе иконической изобразительности. Нельзя не остановиться еще на одном аспекте — участии личности в виртуальной межкультурной коммуникации. Интернет дает пользователю возможность пересекать границы государств и культур. Происходит интенсификация межкультурных контактов.

Констатируемые многими исследователями издержки коммуникативного общества, по мнению автора, тем не менее, не стоит рассматривать как однозначное свидетельство социального упадка или «конца истории». Скорее это манифестации новой, глубоко изменившейся социальной реальности, к которой необходимо адаптироваться. Эта адаптация, вероятно, предполагает формирование иного типа рациональности, нежели классическая рациональность западной культуры с ее требованиями к индивиду. Действительно, коммуникативное пространство современного общества — пространство неклассическое, пространство, в котором, согласно Ж. Бодрийяру, уже нет субъекта социального действия, а есть масса. Не заходя так далеко в своих выводах, автор, тем не менее, вынужден признать, что символизм индивида в культуре коммуникативного общества сменяется символизмом массы, ориентированным на массовый консьюмеристский стандарт. С другой стороны виртуализация жизненного мира личности несет в себе относительное смягчение жестких ограничений, накладываемых на нее социальной структурой, и дает возможность перенести реализацию потребности в рациональном действии в виртуальное измерение, расширяя сознание до уровня сетевого и формируя новое качество интерактивности и способности к пониманию Другого. Однако духовный потенциал виртуализации остается пока недостаточно исследованным.

Исследование коммуникации и тенденций ее развития в современном обществе, оценка связанных с ним социальных перспектив составляет одно из важнейших направлений социально-философского и в целом гуманитарного знания. На сегодняшний день оно, при наличии посвященных социальной коммуникации классических работ, далеко не является исчерпанным, порождает дискуссии и, несомненно, требует дальнейшего, более глубокого проникновения в суть происходящих в обществе изменений.

В **«Заключении»** подводятся основные итоги исследования, формулируются выводы, намечаются перспективы дальнейшей разработки затронутых в диссертации проблем.

Основные публикации автора по теме диссертации

I. Монографии

1. Пшегусова Г.С. Коммуникация как многоуровневая структура: проблема типологии коммуникаций. Москва: Изд-во Социально-гуманитарные знания, 2002. — 4, 6 п.л.
2. Пшегусова Г.С. Коммуникация: социальное и виртуальное измерения. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2003. — 9,8 п.л.
3. Pshegusova G.S., Pershikova V.A., Safronenko O.I. Test Construction. StPetersburg. «Левша-Санкт-Петербург», 2001. — 4,7 п.л. (1,6п.л.).
4. Pshegusova G.S., Kuznetsova L.B., Pershin G.P. Specialist English Teaching and learning—The State of the Art in Russia. The British Council — Publishing House "Petropolis". CaHKT-Петербург, 2002. — 5,2 п.л. (1,7 п.л.).
5. Пшегусова Г.С, Кузнецова Л.Б., Першин Г.П. Обучение английскому языку специальности в вузах современной России. Результаты предпроектных исследований. Санкт-Петербург. «Петрополис», 2002. — 5,3 п.л. (1,7 п.л.).

II. Статьи

6. Пшегусова Г.С. Сафроненко О.И. Составление словаря-минимума для взаимосвязанного обучения видам речевой деятельности // Реализация концепции взаимосвязанного обучения видам речевой деятельности в новых условиях. Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1990. — 9,0 п.л. (6 п.л.).
7. Пшегусова Г.С. Числова А.С. Организация разработок АУП по иностранному языку // Новые информационные технологии в учебном процессе РГУ. Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ. 1995. — 1,5 п.л. (1,0 п.л.).
8. Pshegusova G.S. How do conversations begin and end. USA. Maryland: Maryland University. 1995. — P. 16 — 0,8 п.л.
9. Пшегусова Г.С. Понятие дискурса в аспекте металингвистики / Язык и межкультурная коммуникация: проблемы и перспективы развития. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2003. — 0,5 п.л.
10. Пшегусова Г.С. Формирование коммуникативного пространства: роль масс-медиа // Научная мысль Кавказа: Приложение 2003 № 3.0,4 п.л.
11. Пшегусова Г.С. Социальная коммуникация: методологические ракурсы исследования// Известия ВУЗов. Северо-Кавказский Регион. Общественные науки: 2003. №3. 0, 5 п.л.

12. Пшегусова Г.С. Межнациональная коммуникация как конститутив современного коммуникативного пространства. Москва: Изд-во Социально-гуманитарные знания. 2003. — 1 п.л.

III. Тезисы докладов и выступлений

13. Пшегусова Г.С., Числова А.С. Перспективы использования ДО в России // Контрастивная лингвистика. Методика обучения иностранным языкам. Материалы 13-ой международной конференции. Ростов-на-Дону, РГУ. 1997. - 0,4 п.л. (0,2 п.л.).

14. Pshegusova G.S. Principles of Distance Learning Materials // The New Learning Environment: A Global Perspective. 18th ICDE World Conference The Pennsylvania State University. USA. 1997. — 0,1 п.л.

15. Пшегусова Г.С. Вхождение в образовательное пространство англоговорящих стран через ДО // Новые информационные технологии в университетском образовании. Материалы международной научно-методической конференции. Новосибирск. 1998. — 0,2 п.л.

16. Пшегусова Г.С. Критерии оценки теста по письменной коммуникации // Актуальные проблемы преподавания иностранных языков в свете межкультурной коммуникации. Материалы конференции. Ростов-на-Дону: Изд-во РГЭУ, 2001.- 0.4 п.л.

17. Пшегусова Г.С. Instruction and assessment of writing communication // «Методология исследования: Дискурс в обучении иностранному языку». Международный сборник научных трудов. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2002. — 0,2 п.л.

18. Пшегусова Г.С. Взаимосвязь уровней коммуникации в единстве социетального процесса // Рационализм и культура на пороге третьего тысячелетия. Материалы III Российского Философского Конгресса. Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ, 2002, т.4. — 0,1 п.л.

19. Пшегусова Г.С. Социальная коммуникация: некоторые аспекты анализа // Путь в науку. Молодые ученые об актуальных проблемах социальных и гуманитарных наук. Выпуск 3. Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 2003. — 0,2 п.л.

20. Пшегусова Г.С. Коммуникативные процессы и постиндустриальное общество // Материалы Второго Всероссийского Социологического Конгресса «Российское общество и социология в XXI: социальные вызовы и альтернативы». Москва: Изд-во МГУ, 2003, т.3. — 0,1 п.л.